

Глава 5

ОПРИЧНИК НОМЕР ОДИН

За двести лет, истекших со времен выхода в свет «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, было сделано великое множество попыток определить суть опричнины и объяснить причины ее учреждения.

Сам Николай Михайлович пишет об опричнине как о мере, предназначенной обеспечить безопасность государю и государству. Причиной ее введения была подозрительность царя, его ярость, его страх стать жертвой измены, подстегнутые действительной изменой Курбского. «Все добрые вельможи казались ему тайными злодеями, единомышленниками Курбского: он видел предательство в их печальных взорах, слышал укоризны или угрозы в их молчании; требовал доносов и жаловался, что их мало...»²⁷⁰

«История России с древнейших времен» С.М. Соловьева скудна обобщениями. Относительно опричных времен историк констатирует дальнейшее падение родовых начал, умаление прав «дружины» и подъем начал государственных, увеличение власти монарха. Все это преподносится несколько голословно. Опричнина — одно из заключительных сражений великой борьбы старинного родового быта с новым, этатизирующим, элементом. «Напуганный отъездом Курбского и протестом, который тот подал от имени всех своих собратий, — пишет С.М. Соловьев, — Иоанн заподозрил всех бояр своих и схватился за средство, которое освобождало его от них. Положить на них... опалу без улики, без обвинения, заточить, сослать всех, лишить

должностей, санов, лишить голоса в Думе и на их место набрать людей новых, незначительных, молодых... — это было невозможно... Если нельзя было прогнать от себя все старинное вельможество, то оставалось одно средство — самому уйти от него; Иоанн так и сделал»²⁷¹.

В.О. Ключевский дал исключительно точную формулировку психологических причин, подвигнувших царя на введение опричнины: «...потеря нравственного равновесия у нервного человека». Да, это скорее всего верно. Царь в 1564 году чувствовал себя подобно актеру в ситуации, когда сцена не задалась, остальные играют из рук вон, постановка в шаге от провала, возможно увольнение... Нервный срыв суммировал гнев, страх, а также неприятное ощущение, что вся «труппа» выступает непутём, и как бы не быть осви-станными. В политическом смысле Ключевский определял опричнину как «убежище», где «...царь хотел укрыться от своего крамольного боярства»²⁷². Иными словами, опричнина должна была обеспечить безопасность государя, являлась соединением полицейского корпуса²⁷³ с «орденом отшельников».

Р.Ю. Виппер первым всерьез поставил вопрос о «внешнем факторе» как основной силе, определявшей социально-политическое развитие Московского государства в царствование Ивана IV и породившей опричнину. Для Роберта Юрьевича «...опричнина была не только взрывом мести против действительных и мнимых изменников, не только жестом ужаса и отчаяния у царя, перед которым открылась вдруг бездна неверности со стороны лучших, казалось, слуг; это была также *военная реформа* (курсив мой. — Д. В.), вы-званная опытом новой труднейшей войны»²⁷⁴.

С.Ф. Платонов первым обратил внимание на аграрную опричную политику. Считая опричнину средством борьбы против «измены», ученый видел в земельных «рокировках» того времени подрыв той колоссальной мощи, которой располагала боярско-княжеская оппозиция. Знать при-

тязала на политическую власть в стране. Основанием для подобных притязаний было «...наследственное льготное землевладение в тех уделах, где предки княжат когда-то были государями...». Аристократы мечтали о своего рода соправительстве с государем всея Руси, который был одного с ними рода, к тому же уступал некоторым в «колене», т.е. знатности. Соответственно государь Иван Васильевич «...решил свести княжат с их вотчин на новые места, разорвать их связи с местными обществами и таким образом подорвать их материальное благосостояние и, главное, разрушить тот устой, на котором опирались их политические претензии и было построено социальное первенство»²⁷⁵.

Книги Р.Ю. Виппера и С.Ф. Платонова, созданные в 1920-х годах, принадлежат совершенно разным политическим школам, исполнены в разных творческих стилях, в разных исследовательских плоскостях, но у них немало общего²⁷⁶. В частности, оба историка считают Ивана Грозного «крупной политической силой». По сути, одна теория «достраивает» другую. Виппер указал на примат внешней политики в социально-политическом развитии Московского государства «грозенской» эпохи, он сформулировал тезис о необходимости мобилизовать все военные силы страны для решения внешнеполитических задач. Платонов выявил механизм борьбы с недовольными самодержавной, активной в военном отношении политикой — путем террора и «вывода» аристократических родов с древних вотчинных гнезд. Для обоих историков опричнина — орудие, предназначенное к разгрому всяческого недовольства, всяческих попыток аристократии вмешиваться в дела правления. Только Виппера больше интересовал вопрос *зачем*, а Платонова — *как* выполняла эту свою функцию опричнина.

М.Н. Покровский, виднейший историк-марксист, указывал на чисто экономические причины воздвижения опричнины: стремление «воинства», т.е. «среднепоместных» землевладельцев-дворян, расширить свои владения за

счет богатых вотчинников-аристократов. Ближайшей целью опричнины стало создание из реквизированных земель значительного фонда, предназначенного к раздаче «воинству». Покровский подчеркивает участие в «перевороте 1564 г.» московского посада, который был, в трактовке ученого, средоточием «торгового капитала»²⁷⁷.

П.А. Садиков, большой знаток документальных источников, исследователь тонкий и, к сожалению, до конца не оцененный, предвосхитил идеи некоторых более поздних исследователей. В условиях сталинской эпохи он обязан был выражать свои концепции *определённым образом*. Но от этого не уменьшилось ни его источниковедческое чутье, ни аналитические способности. О целях и сути опричнины он писал следующее: Иван IV готовил в начале 1560-х годов масштабные реформы государственного строя России, однако события 1564 г. «сбили» подготовку. «Реформы» приняли «спешный и бурный характер, вылившись в форму опричнины». Их суть заключалась в создании вокруг особы царя верной дружины «телохранителей» для защиты государевой семьи «от всех возможных случайностей и опасностей» и строительстве аппарата, который обеспечивал бы дружину всем необходимым (прежде всего, поместьями). Помимо этого, царь произвел казни «виднейших представителей княжья» (связанных с Избранной радой, виновных в служебных упущениях или попытках перебежать в Литву), а также произвел частичную «чистку командного состава в действующих войсках». «Опричная ломка» Старицкого удела была частью плана преобразований. Заговоры против царя, в том числе новгородскую «измену», Садиков склонен в большинстве случаев считать реальными проявлениями сопротивления Ивану Васильевичу и его политическим преобразованиям²⁷⁸. Подводя итоги, историк пишет: «Опричина ломала решительно и смело верхушки феодального класса и поддерживала великокняжескую власть — этим, в условиях времени, она была безусловно прогрессивным

историческим фактором, но в самой себе таила... острые социальные противоречия»²⁷⁹.

По мнению С.В. Бахрушина, Иван Грозный «отчетливо показал цель своей реформы»: во-первых, не допустить «повторения боярско-княжеской реакции, имевшей место в 1538—1547 годах, продолжение которой Иван усматривал... и в попытках бояр, близких к Адашеву, ограничить царскую власть»; во-вторых, укрепить оборону государства, страдавшего от отсутствия достаточной централизации в военном деле». Последнее было особенно важно в условиях Ливонской войны, самого ее «разгара»²⁸⁰. Для этого Ивану IV потребовалось «разорить крупное боярское землевладение, служившее основой политической мощи феодальной знати». Ослабив экономически и «лишив политического значения крупных феодалов», царь попутно достигал иной цели: он создавал кадры мелких землевладельцев, всецело от него зависевших, преданных ему и готовых всячески поддерживать его политику²⁸¹.

С.Б. Веселовский с одобрением отзывался о концепции Ключевского²⁸². Он не видит в учреждении опричнины никаких реформаторских устремлений царя Ивана IV. В частности, историк констатирует конфликт Ивана Васильевича со всем старым Государевым двором, инициированный попытками монарха убрать оттуда неудобных ему людей. «Выход из положения он нашел в том, чтобы выйти из старого двора и устроить себе новый, “особный” двор, в котором он рассчитывал быть полным хозяином... Опричный двор получил значение базы для борьбы царя со старым двором»²⁸³.

А.А. Зимин в целом ряде трудов формулировал главную цель опричнины как разгром сохранившихся твердынь удельного периода. В книге, написанной им совместно с А.Л. Хорошкевич, эта концепция доведена до предельной концентрации. Задачей опричнины была, как пишут авторы, «ликвидация удельно-княжеского сепаратизма»²⁸⁴. Или, в более мягкой формулировке, «ликвидация пережитков

Церковь Вознесения
в Коломенском, выстроенная
Василием III в честь
рождения Ивана Грозного.
1532 г.

Елена Глинская.
Реконструкция
С.А. Никитина. 1999 г.

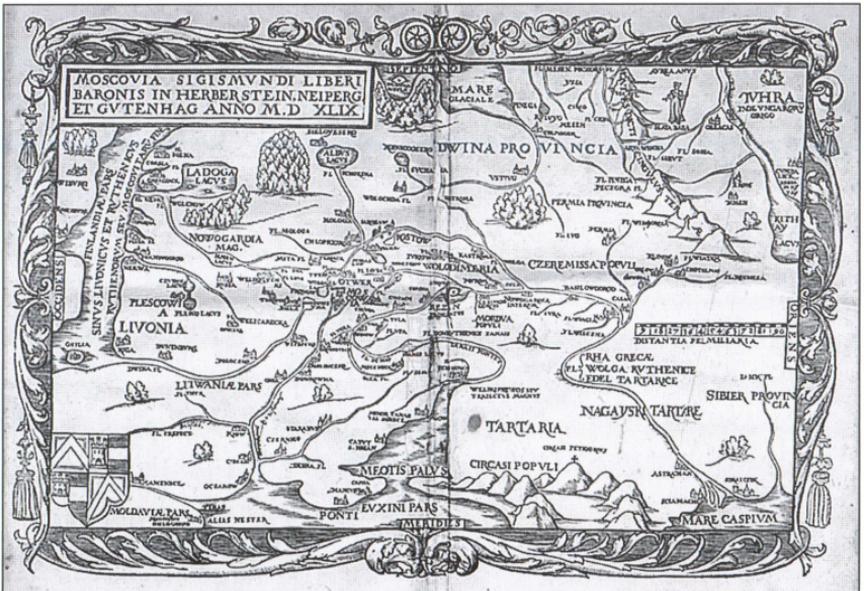

Венчание Ивана Грозного на
царство в 1547 г.
Миниатюра XVI в.

Трон Ивана Грозного

Царское место Ивана Грозного в Успенском соборе Московского Кремля

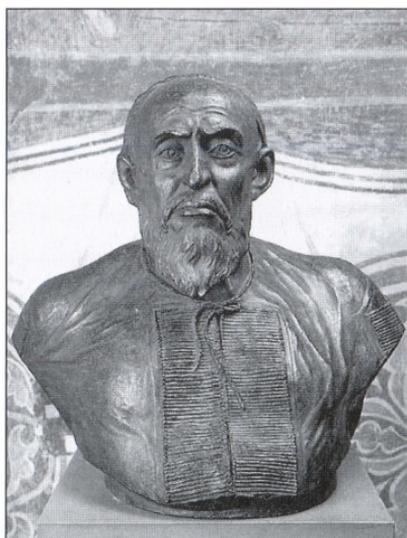
Карта Московии 1549 г. Вена

Алексей Адашев и священник Сильвестр. Гравюра XIX в.

Иван Грозный.
Прижизненный портрет

Иван Грозный.
Реконструкция
М.М. Герасимова. 1963 г.

Царь Иван Грозный
с Судебником.
Картина XVIII в.

Лист из Стоглава. 1551 г.

Апостол. Москва, 1564 г.
Печатники Иван Федоров и Петр Мстиславец

Осада Казани войсками
Ивана Грозного в 1552 г.
Миниатюра XVI в.

Строительство крепости
Свияжск. Миниатюра XVI в.

Выход царя Ивана Грозного
в поход на Казань.
Миниатюра XVI в.

Перевоз осадных орудий
под Казань.
Миниатюра XVI в.

Покорение Казани Иваном Грозным.
Художник А.Д. Кившенко. 1880 г.

Строительство храма
Покрова на Рву (Василия
Блаженного). Миниатюра
XVI в.

Освящение храма
Покрова на Рву (Василия
Блаженного). Миниатюра
XVI в.

Свадьба Ивана Грозного
с Анастасией Романовой.
Миниатюра XVI в.

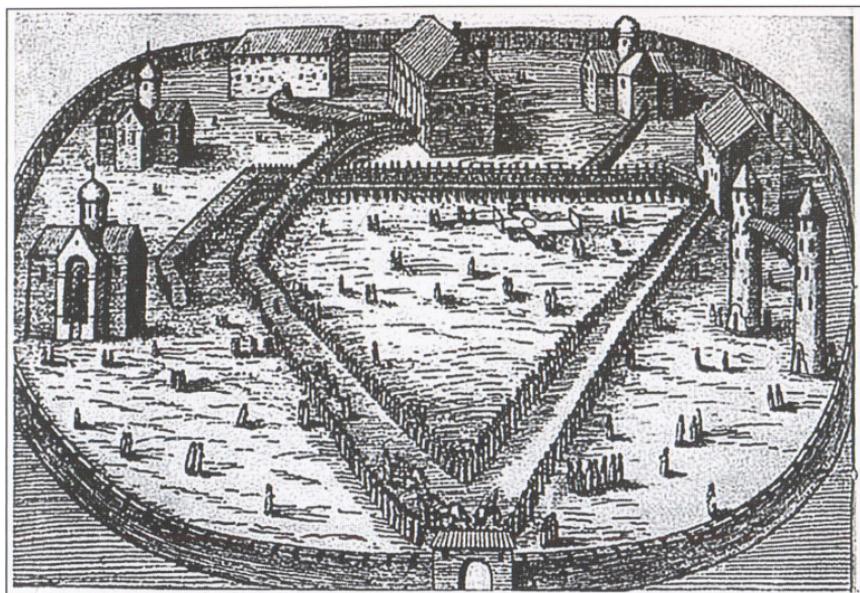
Выезд семьи
Ивана Грозного.
Миниатюра XVI в.

Перстень-печать второй
жены Ивана Грозного
царицы Марии Темрюковны
Черкасской

Погребение царицы
Анастасии.
Миниатюра XVI в.

Александровская слобода. Гравюра XVI в.

Александровская слобода. Трапезная палата Ивана Грозного

Казнь бояр при Иване Грозном. Миниатюра XVI в.

Опричник. Изображение на поддоне подсвечника из Александровской слободы. XVII в.

Опричники. Художник Н.В. Неврев

Митрополит Филипп облачает Ивана Грозного. Клеймо
житийной иконы

Митрополит Филипп и Малюта Скуратов.
Художник Н.В. Неврев. 1898 г.

Королева Англии Елизавета I Тюдор. Портрет XVI в.

Польский король
Стефан Баторий.
Художник Я. Матейко. 1891 г.

Польский король Сигизмунд
(Зигмунт) II Август.
Художник Я. Матейко. 1891 г.

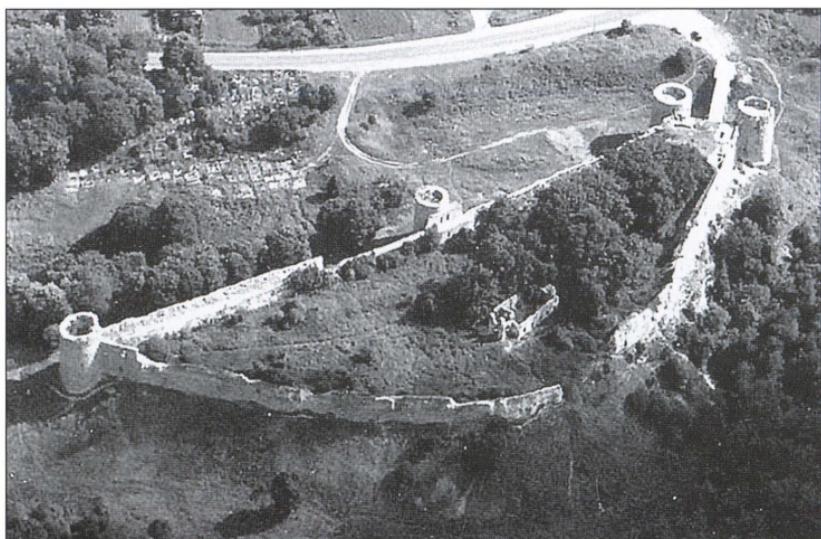
Карта Ливонии XVI в.

Осада войсками Ивана Грозного города во время Ливонской войны. Художник Ф.А. Модоров. 1914 г.

Вооружение русской дворянской конницы. Гравюра из книги С. Герберштейна «Записки о Московии». 1556 г.

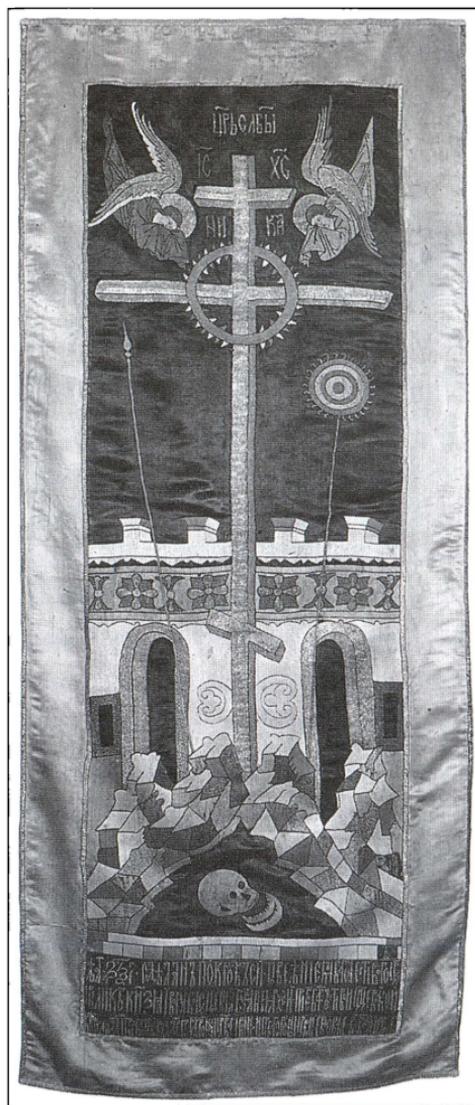
Крепость Копорье. Современный вид

Иван Грозный у тела убитого им сына.
Художник В.Г. Шварц. 1864 г.

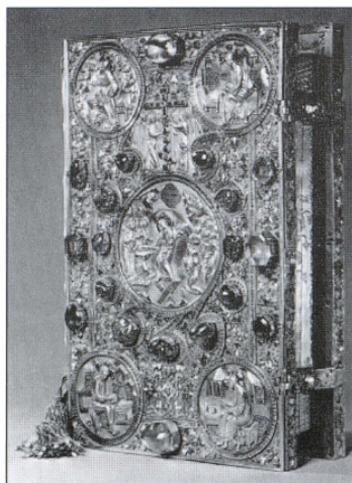
Царь Иван Грозный просит игумена Кирилло-Белозерского
монастыря благословить его в монахи.
Художник К.В. Лебедев. 1898 г.

Пелена. Вклад царя
Ивана Грозного
и царицы Анастасии
в Троице-Сергиеву обитель

Крест на престольный,
вложенный царем
Иваном Грозным
в Соловецкую
обитель. Мастерские
Московского Кремля.
1561—1562 гг.

«Апостол» Ивана Грозного

Смерть Ивана Грозного после игры в шахматы.
Гравюра XIX в.

Саркофаги Ивана Грозного и его сыновей Ивана и Федора
в Архангельском соборе Московского Кремля

удельной раздробленности и утверждения абсолютной власти монарха». Твердынями «феодальной децентрализации», по мнению А.А. Зимина, были Старицкое княжество, Новгород Великий и в значительной степени полунезависимая Церковь. В то же время сама опричнина «...вносила в жизнь элементы децентрализации»²⁸⁵.

В.Б. Кобрин в нашумевшей книге перестроечной поры «Иван Грозный» производит нравственный суд над государем Иваном Васильевичем. Он приходит к печальному выводу: с одной стороны, «...вне зависимости от желаний и намерений царя Ивана опричнина способствовала централизации, была объективно направлена против пережитков удельного времени», но с другой стороны, ее учреждение не преследовало никаких масштабных политических целей, помимо «укрепления личной власти» царя²⁸⁶; жертвы грозненского террора не являлись необходимой платой за поступательное развитие России. Опричнина, с точки зрения В.Б. Кобрин, была для страны губительным и разорительным путем централизации. Зверства, совершенные в опричные годы, аморальны; не следует оправдывать их достигнутыми результатами, даже если кто-то считает эти результаты прогрессивными.

Р.Г. Скрынников высказывался о причинах и сути опричнины неоднократно, время от времени трансформируя свою точку зрения. В конечном итоге она выглядит следующим образом: основная цель опричнины — «ввести в стране самодержавные порядки, утвердить неограниченную власть царя»²⁸⁷; основной враг опричнины — «княжеские династии, происходившие из Владимиро-Суздальской земли», т.е. князья Шуйские, Ростовские, Ярославские, Стародубские, Оболенские. «Суздальская знать» имела всестороннее влияние на политическое руководство страной в середине XVI столетия. В опричные годы по ней был нанесен концентрированный удар. Но уже в 1566 и особенно 1567 годах опричнина теряет антикняжескую направленность и

происходит расширение конфликта: опричнине начинают сопротивляться руководители земщины из старомосковского боярства; массовый террор обусловлен целым рядом причин, не связанных с изначальными задачами опричнины²⁸⁸. Руслан Григорьевич Скрынников, по всей видимости, должен считаться самым сведущим и самым авторитетным исследователем грозненской эпохи среди современных отечественных историков. Однако далеко не все разделяют его точку зрения.

Б.Н. Флоря пишет о потере доверия Ивана IV к собственному двору, а также о боязни измены и, следовательно, желании «отделиться» от старого двора, создав «особый» двор, способный стать орудием борьбы с изменниками. Он, в частности, пишет: «...суть нового режима, установившегося в России с начала 1565 года, состояла в создании особого, подчиненного только царю двора и особого дворянского войска, которое было наделено особыми правами и привилегиями, размещено на особых, выделенных для этого землях и с помощью самых разных мер отделено незримой, но прочной стеной от всего остального дворянства страны»²⁸⁹. Исключительно важным и совершенно справедливым представляется замечание Б.Н. Флори об опричном войске.

Покойный митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн в широко известной книге «Самодержавие духа» заявил о позитивном значении опричнины. По его мнению, «...опричнина стала в руках царя орудием, которым он просеивал всю русскую жизнь, весь ее порядок и уклад, отделял добрые семена русской православной соборности и державности от плевел еретических мудрствований, чужебесия в нравах и забвения своего религиозного долга... Даже внешний вид Александровской слободы, ставшей как бы сердцем суровой брани за душу России, свидетельствовал о напряженности и полноте религиозного чувства ее обитателей. В ней все было устроено по типу иноческой обители — палаты, кельи, великолепная крестовая церковь

(каждый ее кирпич был запечатлен знаменем Честного и Животворящего Креста Господня). Ревностно и неукоснительно исполнял царь со своими опричниками весь строгий устав церковный... Как некогда богатырство, опричное служение стало формой церковного послушания — борьбы за воцерковление всей русской жизни, без остатка, до конца. Ни знатности, ни богатства не требовал царь от опричников, требовал лишь верности, говоря: "Ино по грехом моим учинилось, что наши князи и бояре учили изменяти, и мы вас, страдников, приближали, хотячи от вас службы и правды"»²⁹⁰. Эта книга получила широкую известность, к тому же нравственный авторитет митрополита Иоанна чрезвычайно высок. При всем том владыка Иоанн высказывается не по богословским вопросам, а по историческим, поэтому его архиерейское слово следует воспринимать в данном случае как мнение частного лица, пусть и весьма образованного, и высокого духом. Эта позиция обозначена публицистически: критика источников по царствованию Ивана IV в книге довольно поверхностна. Гораздо важнее призыв смотреть на историю «очами веры», с которым нет причин спорить.

Автор этих строк видит в опричнине военно-административную реформу, притом реформу не слишком обоснованную и в итоге неудавшуюся²⁹¹. Она была вызвана общей сложностью военного управления в Московском государстве и, в частности, «спазмом» неудач на Ливонском театре военных действий. Опричнина представляла собой набор чрезвычайных мер, предназначенных для того, чтобы упростить систему управления²⁹², сделать его полностью и безоговорочно подконтрольным государю, а также обеспечить успешное продолжение войны. В частности, важной целью было создание крепкого «офицерского корпуса», независимого от самовластной и амбициозной верхушки служилой аристократии. Борьба с «изменами», как иллюзорными, так и реальными, была изначально второстепенным ее на-

правлением. Только с началом карательных действий по «делу» И.П. Федорова она разрослась, приобретя гипертрофированные масштабы. Произошло это лишь через три года после учреждения опричной системы! Отменили же опричнину, поскольку боеспособность вооруженных сил России она не повысила, как задумывалось, а, напротив, понизила и привела к катастрофическим последствиям, в частности сожжению Москвы в 1571 году²⁹³. Известный писатель Леонид Кудрявцев метко высказался по этому поводу: «Эксперты всегда ворчат. Царь решил обойтись без экспертов, и получилось то, что всегда в таких случаях получается...»

Был ли иной путь, более плодотворный и менее болезненный? Думается, да. Вернее всего, правы те, кто указывает на медленное, реформистское изменение социально-политической структуры как на оптимальную модель развития... Правда, для нее нужен был второй Иван Великий, а Господь такого гения нашим предкам не даровал.

Итак, введение опричнины датируется январем 1565 года. Предыстория указа о ее учреждении такова: в декабре 1564 года Иван Васильевич покинул Москву и отправился в поход к Троице, но на этот раз поведение государя со свитой слабо напоминало обычные царские выезды на богомолье в монашеские обители. Царь прилюдно сложил с себя монаршее облачение, венец и посох, сообщив, что уверен в ненависти духовных и светских вельмож к своей семье, а также в их желании «передать русское государство чужеземному господству»; поэтому он расстается с положением правителя. После этого Иван Васильевич долго ходил по храмам и монастырям, а затем основательно собирался в дорогу. Царский поезд нагружен был казной, драгоценностями, множеством икон и, возможно, иных святынь²⁹⁴. Расставаясь с высшим духовенством и «думными» людьми, государь благословил их всех. Вместе с Иваном Васильевичем уезжа-

ла его жена княгиня Мария Темрюковна Черкасская и два сына. Избранные самим царем приказные, дворяне, а также представители старомосковских боярских родов в полном боевом снаряжении и с заводными конями сопровождали его²⁹⁵. В их числе: Алексей Данилович Басманов, Михаил Львович Салтыков, Иван Яковлевич Чеботов, князь Афанасий Иванович Вяземский. Некоторых, в том числе Салтыкова и Чеботова, государь, обобрав, отправил назад, видимо, не вполне уверенный в их верности. С ними он отправил письмо митрополиту Афанасию и «чинам», где сообщал, что «...передает... свое царство, но может прийти время, когда он снова потребует и возьмет его». До сих пор все шло, как великолепная театральная постановка. По всей видимости, Иван Васильевич ожидал достаточно быстрой реакции публики, т.е. митрополита и «думных» людей. Играл он до сих пор великолепно, но его не остановили ни в Москве, ни по дороге к Троице. Ему требовалось навязать верхам общества достаточно жесткие условия грядущей реформы, но, вероятно, государь не предполагал, что игра затянется, и собирался решить поставленные задачи «малой кровью». А митрополит с «чинами» между тем не торопились звать царя назад. Должно быть, у них появились *свои* планы. Тогда государь, миновав Троицу, добирается до Александровской слободы и там затевает новый спектакль. В первых числах января 1565 года он отправляет с Константином Дмитриевичем Поливановым (в будущем видным опричным воеводой) новое письмо в Москву. Царское послание полно гневных обвинений: старый Государев двор занимался казнокрадством и разворовыванием земельных владений, а главную свою работу — военную службу — перестал должным образом исполнять. «Бояре и воеводы... от службы учили удаляться и за православных крестьян кровопролитие против безсермен и против Латын и Немец стояти не похотели». А когда государь изъявил желание «понаказати» виновных, «...архиепископы и епископы и архимандриты и игумены,

сложася з бояры и з дворяны и з дьяки и со всеми приказными людьми, почали по них... царю и великому князю покрывати». Не видя выхода из этой ситуации, государь «...оставил свое государство и поехал, где веселится, иде же его, государя, Бог наставит». Столичный посад получил от государя письмо совершенно иного содержания. На посадских людей, говорилось там, «...гневу... и опалы некоторые нет». Это была откровенная угроза Церкви и служилой аристократии взбунтовать против них посад, повторив ужасный мятеж 1547 года. Видимо, угроза оказалась действенной (к тому же посад проявил активность — «биша челом» митрополиту о возвращении Ивана Васильевича на царство). В итоге из Москвы в Александровскую слободу поехала огромная «делегация», состоящая из архиереев, «думных» людей, дворян и приказных. В ее составе были посланцы митрополита Афанасия архиепископ Новгородский и Псковский Пимен, Чудовский архимандрит Левкий, а также виднейшие аристократы князя Иван Дмитриевич Бельский и Иван Федорович Мстиславский²⁹⁶. После долгих уговоров и «молений... со слезами о все народе крестьянском» делегация добилась от государя обещания вернуться на царство. Но при этом Иван Васильевич выторговал себе право разбираться с государственными делами, «...как ему государю годно», невозбранно казнить изменников, возлагать на них опалы и конфисковывать их имущество. Иными словами, он добился того, чего и желал: получил карт-бланш на любые действия от Церкви, до сих пор отмаливавшей тех, кто должен был подвергнуться казням; ему достался также карт-бланш от служилой аристократии, до сих пор сохранявшей значительную независимость по отношению к государевой воле²⁹⁷. Весь этот политический театр одного актера того стоил!

До наших дней не дошло самого указа о введении опричнины. Однако летопись приводит подробный пересказ его содержания. Для верного понимания того, что именно и с

какими целями вводилось по воле государя Ивана Васильевича, следует прежде всего ознакомиться с этим текстом.

«Челобитье... государь царь и великий князь архиепископов и епископов принял на том, что ему своих изменников, которые измены ему государю делали и в чем ему государю были непослушны, на тех опалы свои класти, а иных казнити и животы их и статки имати²⁹⁸; а учинити ему на своем государстве себе опришнину, а двор ему себе и на весь свои обиход учинити особой, а бояр и окольных и дворецкого и казначеев и дьяков и всяких приказных людей, да и дворян и детей боярских, и стольников, и стряпчих, и жильцов учинити себе особно²⁹⁹. И на дворцах на сытном и на Кормовом и на Хлебном учинити клюшников и подклюдников и сытников и поваров и хлебеников, да и всяких мастеров и конюхов и псарей и всяких дворовых людей и на всякой обиход, да и стрельцов приговорил учинити себе особно. А на свой обиход повелел государь царь и великий князь, да и на детей своих, царевичев Иванов и царевичев Федоров обиход, города и волости: город Можаяск, город Вязьму, город Козелеск, город Перемышль два жеребья, город Белев, город Лихвин обе половины, город Ярославец и с Суходровью, город Медынь и с Товарковою, город Суздаль и с Шуею, город Галич со всеми пригородки с Чюхломою и с Унжею, и с Коряковым, и з Белогородьем, город Вологду, город Юрьевец Повольской, Балахну и с Узолою, Старую Русу, город Вышегород на Поротве, город Устюг со всеми волостями, город Двину, Каргополе, Вагу; а волости: Олешню, Хотунь, Гусь, Муромское сельцо, Аргуново, Гвоздну, Опаков на Угре, Круг Клинской, Числяки, Ординские деревни и стан Пахрянской в Московском уезде, Белгород в Кашине, да волости Вселун, Ошту, Порог Ладошской, Тотьму, Прибужь. И иные волости государь поймал кормленным окупом, с которых волостей имати всякие доходы на его государьской обиход, жаловати бояр и дворян и всяких его государевых дворовых людей, которые будут у

него в опришнине; а с которых городов и волостей доходу не достанет на его государьской обиход, и иные города и волости имати. А учинити государю у себя в опришнине князей и дворян, и детей боярских дворовых и городских 1000 голов, и поместья им подавал в тех городах с одново, которые города поимал в опришнину. А вотчинников и помещиков, которым не быти в опришнине, велел ис тех городов вывести и подавати земли велел в то место в ыных городех, понеже опришнину повеле учинити себе особно. На двор же свой и своей царице великой княгине двор повеле место чистити, где были хоромы царицы и великой княгини, позади Рожества Пречистые и Лазаря Святаго, и погребы и ледники и поварни все и по Курятные ворота; также и княже Володимерова двора Ондреевича место принял и митрополича места. Повеле же и на посаде улицы взяти в опришнину от Москвы реки: Чертольскую улицу и з Семчинским сельцом и до всполия, да Арбацкую улицу по обе стороны и с Сивцевым Врагом и до Дорогомиловского всполия, да до Никицкой улицы половину улицы, от города едучи левою стороною и до всполия, опричь Новинского монастыря и Савинского монастыря слобод и опричь Дорогомиловские слободы, и до Нового Девича монастыря и Алексеевского монастыря слободы. А слободам быти в опришнине: Ильинской, под Сосенками, Воронцовской, Лыщиковской. И которые улицы и слободы поимал государь в опришнину, и в тех улицах велел быти бояром и дворяном и всяким приказным людям, которых государь поимал в опришнину. А которым в опришнине быти не велел, и тех ис всех улиц велел перевести в ыные улицы на посад. Государство же свое Московское, воинство и суд и управу и всякие дела земские, приказал ведати и делати бояром своим, которым велел быти в земских: князю Ивану Дмитриевичу Белскому, князю Ивану Федоровичу Мстисловскому и всем бояром; а конюшому и дворетцскому и казначеем и дьяком и всем приказным людям велел быти по своим приказом и управу

чинити по старине, а о больших делех приходити к бояром. А ратные каковы будут вести или земские великие дела, и бояром о тех делех приходити ко государю, и государь приговор яз бояры, тем делом управу велит чинити. За подъем же свои приговорил царь и великий князь взяти из Земского приказа сто тысяч рублей; а которые бояры и воеводы и приказные люди дошли за государьские великие измены до смертныя казни, а иные дошли до опалы, и тех животы и статки взяти государю на себя»³⁰⁰.

Прежде всего: о казнях изменников тут сказано совсем немного. Ни о каких массовых репрессиях речь не идет. Да, царь получает полную волю в определении того, кто должен пойти на плаху, кто изменник, и даже Церковь теряет право «печалования». Но этим правом на протяжении первых лет опричнины монарх пользуется нечасто. Нет никаких «волн казней». Даже после введения опричнины, когда, казалось бы, для Ивана IV наступило удобное время, чтобы расправиться с политическими противниками, он отправляет на смерть лишь пятерых аристократов: князя А.Б. Горбатого с сыном его Петром, окольного П.П. Головина, князя И.И. Сухого Кашина, князя Д.А. Шевырева³⁰¹. Многие лишились вотчин, отправились в ссылку, некоторых насильно постригли в монахи. Но все эти действия, даже взятые в совокупности, еще никак не свидетельствуют о том, что опричнине планировалось придать характер «машины репрессий», карательного аппарата.

Что приобретает царь, помимо свободы казнить тех, кого сочтет изменниками?

Прежде всего, он отделяет то, что подчиняется непосредственно ему — во всем и без какого бы то ни было исключения, — от того, что подчиняется «Московскому государству» во главе с боярами, которые обязаны по важнейшим вопросам советоваться с государем, но в прочих случаях «ведают и делают» земские дела.

Фактически в составе России появляется государев удел, царский домен, полностью выведенный из-под контроля высших родов служилой знати. Прежде всего из-под контроля «княжат». На территории этого удела царь перестает опираться как на «живой инструмент» на высшую аристократию, которая прежде, по необходимости, присутствовала везде и во всём. Монарх получает, таким образом, самостоятельный военно-политический ресурс, коим может управлять прямо, без посредников.

Здесь у него будет собственная служилая корпорация, которую царь наберет сам, с помощью немногих доверенных лиц, никак не принимая в расчет интересы «княжат». Здесь у него будет собственная Дума, чья компетенция распространится на земли удела, а с годами расширится и захватит львиную долю важнейших «земских», т.е. общегосударственных, дел. Здесь у него будет собственная армия; основой вооруженных сил опричнины станет новый «офицерский корпус» из 1000 голов, также отобранных без учета интересов высшей аристократии. Здесь у него сконцентрируются запасы, предназначенные для расхода на опричных служилых людей. И всё это станет управляться из особой резиденции («двора») вне Кремля.

В дополнение к прочему Иван Васильевич берет из общегосударственной казны «на подъем» колоссальную сумму — 100 000 рублей. По тем временам большой каменный храм строился на 1000 рублей...

Резюмируя самое главное: царь обретает полностью подконтрольную и в материальном смысле превосходно обеспеченную воинскую силу. Он может использовать ее для перелома в военных действиях на литовско-ливонском фронте, а может просто защититься ею от «внутреннего врага».

Стоит подчеркнуть одно немаловажное обстоятельство: до 1567 года в опричной армии и в опричных органах управления не появится ни единого представителя знатнейших родов «княжат». Титулованная знать была представлена в

опричнине с первых месяцев ее существования. Но! Лишь второстепенными и третьестепенными семействами.

В 1567 году там оказался... один. Князь Василий Иванович Темкин-Ростовский. Но его возвышение происходило медленно и трудно. Ему пришлось крепко постараться, завоевывая доверие государя. Да и с появлением Темкина в высших ярусах опричнины социальное лицо ее ничуть не изменилось. На протяжении долгого времени он представлял собой исключение из общего правила.

А правило гласило: высокородным «княжатам» на верхи опричнины путь заказан. В опричную Думу и в воеводский корпус опричных вооруженных сил их не брали. Туда рекрутировались представители старинных московских боярских родов, небольшое количество худородных выдвигенцев и несколько семейств из среды второстепенной титулованной знати.

Этот порядок сохранялся весьма долго: от основания опричнины до первых месяцев 1570 года. Впоследствии он был нарушен. О причинах его падения речь пойдет ниже. Но до того, — целых пять лет! — опричнина в принципе обходилась без княжат «первого ранга».

Выходит, царь постарался обойтись без услуг самой богатой и самой влиятельной социальной группы в России. Подрубить ее права на занятие ключевых государственных и военных должностей, опираясь на другие социальные слои. Это как минимум давало ему союзников, готовых помочь в «перетягивании каната» со сливками «княжат». Ведь успех опричнины обеспечивал им все шансы на служебное возвышение!

Таким образом, великому множеству нетитулованных аристократов и дворян родом поплоше опричнина вовсе не кажется каким-нибудь мрачным мистическим монстром с застенками в каждом подвале. Отнюдь! Она представляется новой служилой иерархией с многообещающими «правилами игры».

Разбираясь в механизме работы опричнины, следует с полной ясностью понимать: многие смотрели на нее как на «поле чудес».

Во всяком случае, так было сначала...

И если взглянуть на опричнину как на проект масштабной военно-политической реформы, то *сначала* он выглядел разумной системой мер, в основу которой положена логика политической борьбы. Вот только претворение опричного проекта в жизнь вызвало мощнейший кризис. Перед лицом его все проблемы 1564 года кажутся сущей мелочью.

Важно не только *что* делает высшая власть, но и *как* она это делает.

События конца 1564-го — начала 1565 года представляют собой важнейший рубеж в биографии государя. До того он смирялся с ограничениями, которые накладывала на него тяжелая, но благодатная роль православного царя, главного столпа Традиции в державе. Эта роль тяжела для кого угодно, но большинство наших монархов времен Московского государства с честью несли ее бремя от восшествия на престол до самой смерти. А вот Иван IV этого груза не выдержал и пожелал скинуть его. Предопричное лицедейство и есть акт ритуального отказа от традиционной роли, от «правильной прописки» в рамках Русской цивилизации. Оно свидетельствует и о нетвердой нравственности Ивана Васильевича, и о странной религиозности, сильной лишь внешней своей стороной...

Таубе и Крузе, оставившие свидетельство о начале опричнины, отметили одну любопытную деталь: Иван IV прибыл в Москву из Троицы «...с таким извращенным и быстрым изменением своего прежнего облика, что многие не могли узнать его. Большое изменение, между прочим, внесло то, что у него не сохранилось совершенно волос на голове в бороде, — их сожрала и уничтожила его злоба и тиранская душа»³⁰². На этот нюанс многие исследователи обращали внимание, делая далеко идущие выводы. Дескать, Иван IV

не был уверен в успехе своего предприятия. Дескать, он очень волновался, был то ли на грани помешательства, то ли уже за гранью. Дескать, это был драматичный момент в биографии монарха. Правда же состоит в том, что правильно истолковать данную информацию невозможно. Если борода и волосы *действительно* исчезли, и это не выдумка Таубе и Крузе, то их пропажа может быть в равной степени свидетельством сильных эмоций, следом сражений со швами и элементом «постановки», с помощью которого Иван Васильевич хотел показать «публике»: «В моей судьбе кое-что произошло, а теперь и вам следует ожидать приход новой жизни».

Если посмотреть на ситуацию с точки зрения идеального функционирования Русской цивилизации, события 1565 года выглядят просто безобразно. Наша аристократия проявила необыкновенную жадность и необыкновенное неуважение к Церкви в 30-х и 40-х годах XVI столетия. В первой половине 1560-х годов она проявила также военную слабость и недостаток энергии в решении насущно важных задач. Будучи мощным столпом традиционного общественного устройства, знать принялась эгоистично раскачивать Русский Дом. Государь не нашел ничего лучшего, как только разыграть политический балаган, добиваясь всенародного разрешения казнить направо и налево, переделывать военно-административную сферу, как ему заблагорассудится, поскольку лучших способов выхода из сложившейся ситуации он найти не смог. Церковь, исполняя вечную свою роль милосердной матери для русского общества, печаловалась за тех, кому грозила смерть, но вдруг отступилась от своего исконного права, стоило лишь св. Макарию покинуть ее... Видимо, Россия слишком долго жила благополучной жизнью и пользовалась милостью Божьей, развращаясь. Духовная твердость покинула русское общество. Кажется, оно обленилось и в нравственном, и в религиозном смысле... Наша знать достойна была вразум-

ления плетью, царь — ведра ледяной воды, а Церковь... автор этих строк хотел бы удержаться от оценок.

Государь Иван Васильевич активно занялся устройством опричнины.

Для постройки опричного дворца (или, иначе, опричного двора) — главной политической резиденции государева «удела» — было снесено множество зданий на Неглинной, напротив Кремля. Московский опричный дворец располагался в том месте, где соединяются улицы Воздвиженка и Моховая; точно определил его положение дореволюционный историк И.Е. Забелин³⁰³. Все пространство³⁰⁴, отданное под постройку, было окружено высокой стеной с тремя воротами. На сажень она состояла из тесаного камня, и еще на две сажени — из кирпича. Рядом с дворцом располагались, по всей видимости, казармы опричной стражи («особый лагерь», по Шлихтингу, изложенному в не очень точном переводе). Видимо, общая численность московского опричного отряда, охранявшего царя, составляла 500 человек. Северные ворота играли роль «парадных». По свидетельству Генриха Штадена, они были окованы железными полосами и покрыты оловом. Сторожил их засов, закрепленный на двух мощных бревнах, глубоко врытых в землю. Украшением ворот служили два «резных разрисованных льва» (вместо глаз у них были вставлены зеркала), а также черный деревянный двуглавый орел с распростертыми крыльями, обращенный «в сторону земщины». На шпилях трех главных палат также красовались орлы, повернутые к земщине. Опричный дворец был надолго обеспечен всем необходимым, значительную часть его территории занимали хозяйственные постройки: поварни, погреба, хлебни и мыльни; «над погребами были сверху надстроены большие сараи с каменными подпорами из досок, прозрачно прорезанных в виде листвы...». Поскольку строительство производилось на сыром месте, двор пришлось засыпать песком «на локоть

в вышину. Даже церковь поставили на сваях. Главная палата стояла напротив восточных ворот, в нее можно было войти по двум лестницам (крылечкам). Перед лестницами высился помост, «...подобный четырехугольному столу; на него всходил великий князь, чтобы сесть на коня или слезть с него. Эти лестницы поддерживались двумя столбами, на них покоилась крыша и стропила. Столбы и свод украшены были резьбой под листву. Переход шел кругом всех покоев и до стен. Этим переходом великий князь мог пройти сверху от покоев по стенам в церковь, которая стояла на восток перед двором, вне ограды...»³⁰⁵

Московский опричный дворец погиб в 1571 году, когда крымский хан Девлет-Гирей спалил Москву. Но помимо него в разное время строились иные царские резиденции: в Старице, Вологде, Новгороде. На территории Александровской слободы опричный дворец стали строить, по всей видимости, одновременно или вскоре после московского³⁰⁶. Туда Иван Васильевич переехал из Москвы не ранее второй половины 1568 года и не позднее марта 1569 года. В Московском дворце Иван IV провел относительно немного времени. Зато Александровская слобода, а позднее Старица на долгие годы становились настоящими «дублерами» русской столицы. Часть сооружений опричной поры сохранилась до наших дней.

К несколько более позднему времени относятся известия о странном мистическом ордене, основанном царем из опричной «гвардии». Немцы-опричники Таубе и Крузе, впоследствии ставшие изменниками, сообщают: «Опричники (или избранные) должны во время езды иметь известное и заметное отличие, именно следующее: собачьи головы на шее у лошади и метлу на кнутовище. Это обозначает, что они сперва кусают, как собаки, а затем выметают все лишнее из страны»³⁰⁷. Это полностью подтверждается русскими источниками, до наших дней дошло даже изображение конного опричника с метлой и собачьей головой. Опричники должны

были носить грубые и бедные верхние одежды из овчины наподобие монашеских. Зато под ними скрывалось одеяние из шитого золотом сукна на собольем или куньем меху...

Иван IV образовал из опричного ополчения нечто вроде религиозного братства. В него вошло около 500 человек, по словам тех же Таубе и Крузе, «...молодых людей, большей частью очень низкого происхождения, смелых, дерзких, бесчестных и бездушных парней». Опричное братство оценивали очень по-разному. Основным источником по его истории является послание Таубе и Крузе польскому гетману Яну Ходкевичу, памятник противоречивый и далеко не столь достоверный, как, например, записки Ченслора, Дженкинсона, Фоскарино и Шлихтинга. Однако ничего лучшего в распоряжении историка нет³⁰⁸: «Этот орден предназначался для совершения особенных злодеяний. Из последующего видно, каковы были причины и основание этого братства. Прежде всего монастырь или место, где это братство было основано, был ни в каком ином месте, как в Александровской слободе, где большая часть опричников, за исключением тех, которые были посланцами или несли судейскую службу в Москве, имели свое местопребывание. Сам он был игуменом, князь Афанасий Вяземский — келарем, Малюта Скуратов — пономарем; и они вместе с другими распределяли службы монастырской жизни. В колокола звонил он сам вместе со своими сыновьями и пономарем. Рано утром... должны были все братья быть в церкви; все не явившиеся, за исключением тех, кто не явился вследствие телесной слабости, не щадятся, все равно, высокого ли они или низкого состояния, и приговариваются к 8 дням епитимьи. В этом собрании поет он сам со своими братьями и подчиненными попами с четырех до семи. Когда пробивает восемь часов, идет он снова в церковь, и каждый должен тотчас появиться. Там он снова занимается пением, пока не пробьет десять. К этому времени уже бывает готова трапеза, и все братья садятся за стол. Он же, как игумен, сам остается

стоять, пока те едят. Каждый брат должен приносить кружки, сосуды и блюда к столу, и каждому подается еда и питье, очень дорогое и состоящее из вина и меда, и что не может съесть и выпить, он должен унести в сосудах и блюдах и раздать нищим, и, как большей частью случалось, это приносилось домой. Когда трапеза закончена, идет сам игумен ко столу. После того, как он кончает еду, редко пропускает он день, чтобы не пойти в застенок, в котором постоянно находятся много сот людей; их заставляет он в своем присутствии пытаться или даже мучить до смерти безо всякой причины, вид чего вызывает в нем, согласно его природе, особенную радость и веселость. И есть свидетельство, что никогда не выглядит он более веселым и не беседует более весело, чем тогда, когда он присутствует при мучениях и пытках до восьми часов. И после этого каждый из братьев должен явиться в столовую, или трапезную, как они называют, на вечернюю молитву... После этого идет он ко сну в спальню, где находятся три приставленных к нему слепых старика; как только он ложится в постель, они начинают рассказывать ему старинные истории, сказки и фантазии, одну за другой. Такие речи, согласно его природе или постоянному упражнению, вызывают его ко сну, длящемуся не позже, чем до 12 часов ночи. Затем появляется он тотчас же в колокольне и в церкви со всеми своими братьями, где остается до трех часов, и так поступает он ежедневно по будням и праздникам. Что касается до светских дел, смертоубийств и прочих тиранств и вообще всего его управления, то отдает он приказания в церкви. Для совершения всех этих злодейств он не пользуется ни палачами, ни их слугами, а только святыми братьями. Все, что приходило ему в голову, одного убить, другого сжечь, приказывает он в церкви; и те, кого он приказывает казнить, должны прибыть как можно скорее, и он дает письменное приказание, в котором указывается, каким образом они должны быть растерзаны и казнены; этому приказанию никто не проти-

вится, но все, наоборот, считают за счастье милость, святое и благое дело выполнить его... Все братья и он прежде всего должны носить длинные черные монашеские посохи с острыми наконечниками... а также длинные ножи под верхней одеждой, длиною в один локоть...»³⁰⁹. Некоторые из фактов, упомянутых Таубе и Крузе, подтверждаются иными источниками, например обширным известием об опричных годах в Пискаревском летописце. Само существование опричного братства — явление кратковременное. Оно не могло появиться ранее окончательного переезда Ивана IV в Слободу (вторая половина 1568 года)³¹⁰ и вряд ли пережило период, когда казни обрушились на само опричное руководство (первая половина — середина 1570 года), в том числе ушел из жизни «келарь» князь Афанасий Иванович Вяземский³¹¹. Его кончине предшествовали долгие избиения (правеж), в ходе которых князь должен был расстаться по частям со всем своим имуществом. В дальнейшем, кстати, на протяжении нескольких лет (до 1575 года) не было и массовых казней, а то, что описывают Таубе и Крузе, относится ко времени масштабного террора. Всего, таким образом, не набирается и трех лет существования опричного братства. Но 2,5—3 года — это наиболее расширительное толкование. На самом деле, быть может, вся история странного Слободского ордена (так удобнее всего называть эту организацию) насчитывает несколько месяцев, а то и недель. Ведь Иван Васильевич провел значительную часть того периода в разъездах: бывал подолгу в Москве, ездил по вотчинам И.П. Федорова, занимаясь их разгромом, несколько месяцев провел в походе на Новгород и другие северные области, принимал опричный военный смотр в Старице, выезжал на юг «по крымским вестям». Что же остается? Твердо можно говорить о нескольких месяцах в середине 1569 года (до Новгородского похода), а также о первой половине 1570-го³¹². По всей видимости, именно тогда, в 1569 или 1570 году, и существовал Слободской орден.

В разное время историки и публицисты считали Слободской орден то своего рода «сверхмонастырем», то, напротив, изощренным кощунством над православными церковными устоями, то мистической организацией самого темного, чуть ли не сатанинского характера. Я.Н. Любарский и С.В. Алексеев обратили внимание на некоторое сходство обычаев, заведенных Иваном Васильевичем в Слободе, с шутовским собором византийского императора Михаила III Пьяницы³¹³. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев) находил опричное сборище истинно православным по духу³¹⁴. Д.М. Михайлович видел в Слободском ордене эзотерическую организацию, недружественную по отношению к православной Церкви, и связывал ее возникновение с деятельностью на территории Московского государства вестфальского лекаря, астролога, отравителя и мага Елисея (Элизиуса) Бомелия, появившегося в нашей стране как раз летом 1570 года; Д.М. Михайлович указывает на антицерковный характер опричной политики и считает возможным принятие русским государем эзотерического посвящения от Бомелия³¹⁵. Высказывались догадки о сходстве ордена с тайными инквизиционными трибуналами, т.е. наследием Торквемады. Некоторые историки сомневаются в достоверности сообщения Таубе и Крузе об опричном братстве. Автор этих строк решительно отказывает в какой бы то ни было связи между христианством и ассасинами в монашеских одеяниях. За скудостью источников трудно определить, тянется ли в Слободу какая-либо эзотерическая ветвь из Европы, насколько возможно посвящение в тех условиях и был ли Бомелий действительным инициатором Слободского ордена. Возможно, царь-актер воздвиг для себя идеальную «сцену», не имея далеко идущих мистических соображений. Он использовал для лицедейства храм — идеальную по тем временам площадку для театральных представлений, с отличной акустикой и роскошными декорациями. Ведь приказания по государственным делам

отдавались им в церкви — зачем? Возможно, из-за того, что государю они виделись частью «роли».

Попытки проследить историю Слободского ордена напоминают блуждание в потемках. Историк имеет слишком мало информации о нем и должен бы положить перо, воздерживаясь от категоричных выводов. Нет ни единого достойного доверия метода, с помощью которого можно было бы определить, во-первых, где лгут, а где говорят правду Таубе и Крузе, во-вторых, с какой целью государь Иван Васильевич создал Слободской орден.

Через несколько месяцев после утверждения опричнины был произведен первый набор служилых людей в опричную армию и государев двор. А осенью 1568 года опричные боевые отряды впервые появились на поле боя — под Болховом. Их двинули вместе с земской армией против крымского хана.

Историки XX столетия, со времен Сергея Федоровича Платонова, много писали о земельной политике опричнины и даже искали в ней разгадку сути той диковинной политической конструкции, которую создал Иван IV. Но замечали в основном ее отрицательный аспект. Характерные выражения, присущие многим историческим исследованиям этого периода: «перераспределение земель в годы опричнины было направлено против...» или «опричная аграрная стратегия ориентирована на подрыв...».

Действительно, огромные земельные владения были реквизированы по велению Ивана Васильевича во второй половине 1560-х годов, а в 1570-х эта политика знала «рецидивы». И, спору нет, при этом ощутимые потери понесли крупные вотчинники, относящиеся к видным княжеским родам.

Но у опричных преобразований, связанных с земельной собственностью, основным был, думается, все-таки позитивный аспект. Иными словами, прежде всего, *для какой цели* реквизировались земельные владения у прежних хо-

зьев, а не *против* кого направлены все эти меры. Между тем сокращенная версия указа об учреждении опричнины, помещенная в официальной летописи, дает ясное представление о том, каковы приоритеты опричной политики в этом направлении: «...а учините государю у себя в опришнине князеи и дворян, и детей боярских дворовых, и городовых 1000 голов, и поместья им подавал в тех городех с одново, которые городы поимал. А вотчинников и помещиков, которым не быти в опришнине, велел ис тех городов вывести и подавати земли велел в то место в ыных городех, понеже опришнину повеле учините себе особно»³¹⁶. Иными словами, первейшая и главная цель опричной аграрной политики состоит в обеспечении служилых людей опричного корпуса поместьями. Очевидно, речь идет о том, чтобы дать опричной братии лучшие земельные владения в Московском государстве. Никакая социальная группа не выдвинута на роль «донора». Та же княжеская аристократия нигде не названа как приоритетный объект реквизиций. А монография В.Б. Кобринина «Власть и собственность в средневековой России» показала, что политика отчуждения поместий и вотчин не имела специальной антикняжеской направленности и не привела к подрыву княжеского землевладения в России³¹⁷. Землю, таким образом, забирали там, где ее удобно было забрать. Важно было наилучшим образом обеспечить новорожденное опричное войско, а не обидеть или разорить кого-то при этом.

Р.Г. Скрынников писал о массовой Казанской ссылке тех, кто потерял в опричном секторе свои вотчины и поместья. В частности, отмечал обилие аристократов, служивших по княжеским спискам, указывал на значительное количество крупнейших и самых родовитых представителей знати, связанной с Владимиро-Суздальской землей. Но, во-первых, помимо богатейших аристократов высланы были совершенно незаметные. Зачем? К чему по ним-то «наносить удар»? И, во-вторых, казанских ссыльных довольно быстро верну-

ли на территорию коренных русских уездов. Если бы надо было им «нанести удар» — так стгноили бы их на казанских землях. Нет, по всей видимости, государь все-таки нуждался в их военно-административных услугах и не собирался сводить под корень старинные рода. Впоследствии многие из них при жизни Ивана Васильевича получили назад свои владения и обрели новые, взамен прежних. Дело здесь, вероятно, не в каких-то особенных, требующих насильственного разрыва связей старых княжеских семейств с землями, на которых они жили, или «связях с местными обществами», как писал С.Ф. Платонов. Просто прежних землевладельцев надо было убрать с тех мест, где должны были устроиться опричники. Чтобы не мешали обустройству новых помещиков, чтобы, не дай Бог, не делали попыток оказать сопротивление. Их и убрали под Казань — от греха подальше. По большей части произошло следующее: в 1565 году людей выслали на окраину страны, а уже в 1566 году их вернули обратно в центр.

О многом говорит географическое расположение опричных владений. В соответствии с указом о введении опричнины ее территорией стали земли на Русском Севере, в том числе Беломорское побережье, Подвинье, Важская земля, а также огромная область в треугольнике, вершинами которого стали Соль Вычегодская, Каргополь и Вологда; значительные территории в самом центре Московского государства — Вязьма, Можайск, Козельск, Перемышль (частично), Белев, Лихвин, Ярославец, Медынь, Суздаль, Шуя, Галич, Юрьевец Повольский, Балахна, Старая Русса, огромные анклавы под Москвой, в районе Кашина и Клина; обширная часть самой столицы. Позднее, по сообщению немцев-опричников Таубе и Крузе, Ростов и Белоозеро были присоединены к опричному «уделу» государя. Не так давно были найдены записи летописного характера в рукописном сборнике Кирилло-Белозерского собрания. Там содержалась информация, согласно которой в январе

1569 года Ростов и Ярославль были взяты в опричнину³¹⁸. Видимо, присоединение Белоозера произошло тогда же. Известно, что в состав опричных владений попали также Кострома, Пошехонье, Переяславль-Залесский, Старица, Бежецкий Верх, восточное Приладожье и все Прионежье³¹⁹. На закате опричнины туда взяли часть Новгорода Великого.

Если нарисовать карту опричного «удела», то прежде всего придется полностью заштриховать почти все северные области страны. Затем окажется заштрихованной вся северная часть старинного Владимиро-Суздальского княжества, каким оно было в XIII столетии. Если все остальное представить себе в виде мишени, а Москву поместить в «яблочке», то набор опричных анклавов будет напоминать след от выстрела крупной дробью в самый центр мишени.

С северными землями все более или менее понятно. Естественно стремление Ивана Васильевича пользоваться доходами от таможенных пошлин, промыслов, а также контролировать важный торговый маршрут из Европы в Россию вокруг Скандинавского полуострова — он был в середине 50-х годов XVI столетия открыт для европейского мореплавания экспедицией англичан Хью Уиллоуби и Ричарда Ченслора. Север был для опричнины неиссякающей денежной бочкой. Испомещать кого-то на землях слабо освоенных, со сравнительно неразвитым землевладением, вряд ли было целью включения северных областей в состав опричной территории.

Когда-то автор этих строк допустил легкомысленное утверждение, что в опричнину были взяты «стратегически важные» земли, т.е. города, составляющие узловые пункты обороны страны и опорные базы для наступления в Ливонии. Имелись в виду Вязьма, Вышгород, Старая Русса. Это ошибка. Напротив, 99 % приграничной территории, т.е. тех же «стратегически важных» земель, попало в земщину. Ивана Васильевича слабо интересовала Рязанщина, регу-

лярно разоряемая татарами; не нужны ему были Псков с пригородами, Смоленск, Рославль, Стародуб и Чернигов, составлявшие ожерелье оборонительных твердынь нашего западного рубежа. Государь не проявил интереса к огромной области, лежащей южнее Одоева и Белева, области, в наибольшей степени подверженной угрозе крымских набегов. Ему не понадобилась северо-западная, западная и южная Новгородчина, бедная хлебом, зато максимально близкая к шведско-литовскому фронту. Парадоксально, но факт: опричнина должна была защитить государя и страну, а земщина защищала... опричнину. Фактически земские территории представляли собой «доспехи», надетые на тело опричнины.

Другое дело — центр, козельские, тверские и ростово-суздальские земли. Они отличались плодородием, издревле осваивались, были густо заселены и представляли собой золотой фонд русской пашни. Кроме того, перечисленные области расположены относительно недалеко от главных опричных резиденций Ивана Васильевича — Александровской слободы и Московского дворца. А значит, по идее у командования появилась возможность быстро собирать опричную армию в кулак.

Фактически речь идет о полномасштабном выполнении реформы, задуманной намного раньше, т.е. испомещении в центральных, наиболее близких к Москве и наиболее освоенных областях «избранной тысячи». Что касается действительных, иными словами, документально подтвержденных фактов получения опричным «офицерским корпусом» значительных поместий на реквизированных землях, то их известно немало, и ни у кого они не вызывают сомнений. Испомещались даже иностранцы-опричники, подтверждением чего служит сообщение немца-опричника Генриха Штадена о пожаловании ему поместий под Москвой и в районе Старицы. После того как опричное войско и опричную администрацию упразднили, была совершена земель-

ная «рокировка»: те, кто еще мог претендовать на возврат земельных владений, отобранных в первые годы опричнины, частично получили их назад.

Опричнина явно не была нацелена на создание «дружины» царских «телохранителей». Для этих целей вполне хватало нескольких сотен бойцов, охранявших царскую семью в Опричном дворце. Не будь опричнины, с подобными задачами справились бы 1—2 стрелецких приказа, состоявших из служилых людей по прибору с незначительным количеством дворян на офицерских должностях. На худой конец такого рода гвардией могла бы стать команда наемников. При дворах европейских монархов нередко караул несла стража, набранная из иностранцев, например шотландцев и швейцарцев. Как минимум в последние годы жизни Иван IV сделал то же самое: в его распоряжении был отряд из 1200 иностранных солдат, в том числе тех же шотландцев с Джимми Лингетом во главе³²⁰. Упоминаются служилые «немцы» и в русских разрядах 1570-х годов. Таким образом, цели опричнины были шире сбережения царя от заговоров и покушений. Прежде всего речь шла о создании особой армии — наилучшим образом укомплектованной, вооруженной, легко управляемой, с командными кадрами, всецело преданными царю. А значит, обеспечение столь значительного количества служилых людей должно было потребовать масштабных перемен в землевладении. Именно это происходило в массовом порядке: вотчины и поместья стремительно меняли хозяев.

Как уже говорилось, крайне маловероятно изначальное предназначение опричнины для террора против непокорной аристократии, тех же княжат, потомков удельных владык. Во-первых, массового террора в первые годы опричного периода не было. По источникам известно несколько казней, а также ряд убийств, которые могли произойти бессудно и без объявления вины — по одному лишь велению царя. Но до Новгородского разгрома 1570 года все репрессии

могли осуществляться сравнительно небольшим числом опричников, например, той же царской охраной, состоявшей из нескольких сотен человек... Лишь поход в северные земли — Клин, Вышний Волочек, Новгород Великий, Псков, Торжок, Тверь — потребовал значительных сил. Из этой картины совершенно выпадает опричное войско, целые полки которого выходили против ливонцев и татар. Полки, а не «пятьсот телохранителей»! По самым скромным подсчетам оно должно было достигать 5000—6000 бойцов. Для осуществления террористической деятельности, отдельные акты которой размазаны по семи годам опричной эпохи, как масло по хлебу, это явно слишком много. Таким образом, версию о «полицейском корпусе» приходится отклонить, заодно с версией о создании «нового двора» для борьбы со «старым двором».

Помимо богатых земель и новых возможностей для карьеры, опричники получили обширные судебные привилегии.

Английский дипломат Джильс Флетчер, побывавший на русской территории в 1588—1589 годах, сообщает: «...разделил он (Иван IV. — Д. В.) своих подданных на две части, или партии, разъединив их совершенно между собой. Одни из них были названы им опричными, или отборными людьми. К ним принадлежали те из лиц высшего сословия и мелких дворян, коих царь взял себе на часть, чтобы защитить и охранять их как верных своих подданных. Всех прочих он назвал земскими, или общими. К земским относятся простой люд и те дворяне, которых царь думал истребить как будто бы недовольных его правлением и имеющих против него замыслы. Что касается опричников, то он заботился, чтобы они своим числом, знатностью, *богатством*, вооружением и прочим далеко превосходили земских, коих он, напротив, как бы лишил своего покровительства, так что если бы кто из них был ограблен или убит кем-нибудь из опричников, которых он причислял к своей партии, то нель-

зя уже было получить никакого удовлетворения ни судом, ни жалобой царю»³²¹. Допустим, Флетчер писал это через два с лишним десятилетия после того, как была учреждена опричнина, к тому же писал в виде политического памфлета, недоброжелательного по отношению России. Он мог и ошибаться, и пускаться в публицистические передергивания. Допустим, никакие источники по истории опричнины не позволяют предположить, что она когда-либо предназначалась для полного истребления земских дворян. Но свидетельство Флетчера о судебной «неуязвимости» опричников перед земскими людьми находит подтверждение у другого автора.

Уже упоминавшийся Генрих Штаден оставил «мемуары» о своей службе в опричнине. Это источник совершенно не зависимый от Флетчера. От первых лет опричного режима Штаден сохранил знаменитую фразу Ивана IV, отправленную в органы судопроизводства: «Судите праведно, наши виноваты не были бы!»³²² Это отражает обстановку, действительно сложившуюся во второй половине 1560-х годов. По сравнению с земскими опричниками имели огромное преимущество во всякого рода расследованиях и тяжбах.

Но если, как полагает автор этих строк, основной задачей опричной реформы было укрепление вооруженных сил, по каким причинам все-таки был развязан масштабный террор?

По всей видимости, он стал инструментом борьбы с недовольством опричными порядками, постепенно усиливавшимся в русском социуме.

Летом 1566 года государь Иван Васильевич созвал земский собор, решавший судьбу Ливонской войны. Царь желал продолжить ее и довести до победного конца. Собор не стал ему перечить, собор вообще прошел как идеально отрепетированный спектакль...

Война длилась уже много лет, стоила дорого и в финансовом, и в человеческом смысле, высшей служилой аристо-

кратии она не была нужна. Но дворянство рассчитывало получить поместья на богатых, хорошо освоенных землях Прибалтики, да и государь ждал приращения новых территорий. В сущности, несмотря на поражение 1564 года, враг не сумел добиться решающего перевеса. Полоцк, Нарва, Юрьев Ливонский, многие другие города и крепости оставались под контролем наших войск. Дальнейшая борьба могла обернуться как угодно.

Из наших дней события 1566 года видятся через призму страшного поражения, постигшего Московское государство в конце 1570-х — начале 1580-х годов. Разгром за разгромом, падение Полоцка, Великих Лук... и чудесная стойкость Пскова, чудом спасшая Россию от полного военного краха. Кажется: остановись государь раньше, когда в его распоряжении еще была несокрушимая вооруженная мощь, когда держава еще не успела истощить экономический ресурс, когда великие твердыни еще оставались в наших руках, — какое благо принес бы он своему народу! Но всё это — из области альтернативной истории. Если бы да кабы, росли бы во рту бобы, так был бы это не рот, а был бы огород. Увидеть из 1566-го страшный закат войны за Ливонию не мог никто из русских политиков, и царь в том числе...

Итак, собор пошел навстречу воле государевой: будем сражаться!

Вот только ход собора омрачили два неудобных обстоятельства. Во-первых, отсутствовал митрополит, который оставил кафедру, сославшись на немощь. Пустующее митрополичье место немо свидетельствовало: нет мира между царем и Церковью. Во-вторых, при завершении собора три сотни дворян приступили к монарху с просьбой отменить опричнину. Их коллективная челобитная гласила: «Не достоит сему быти».

Как чувствовал себя тогда Иван Васильевич? Он добился всего, чего хотел *внутри страны*. Русский мир подтвердил согласие с волей царя. Оставалось нанести удар внешне-

му неприятелю, да и разгрызть крепкий ливонский орех. А тут — такая неожиданность! Массовое выступление — нет, не посадских людей, которые буйством своим привели его в ужас два десятилетия назад, в 1547-м, — а самих дворян, кои составляли основу военной силы нашей. Это всё профессионалы войны. Всё вооруженные воины. И если они не пошли на заговор и мятеж, так это большое везение... Надо полагать, земля дрогнула перед глазами Ивана Васильевича. Царь-актер наилучшим образом «отыграл» земский собор, добился вроде бы успеха... Публика рукоплещет? Всё шло превосходно, как вдруг... самая сильная и опасная часть этой самой публики заявила, что ей не по нраву суть игры.

О событиях тех дней известно крайне мало. Зачинщиков тогда арестовали.

Царь пришел в ярость, велел схватить зачинщиков и казнить их. Голов лишились трое лидеров антиопричной оппозиции: князь В.Ф. Рыбин-Пронский, И.М. Карамышев и К.С. Бундов. Возможно, вместе с ними предали смерти и других «активистов» из числа челобитчиков, но тут свидетельства источников менее надежны. Неоспорима казнь всего нескольких лидеров оппозиции. Кое-кто из ближайших сторонников казненной троицы отведал палок, остальных держали под замком несколько дней, а потом отпустили.

Возможно, последствия для них были бы гораздо более тяжкими, но надо полагать, от горших бед челобитчиков спасло появление в Москве митрополичьего преемника. Им стал Филипп³²³, игумен Соловецкой обители. Считанные недели отделяют его восхождение на митрополичью степеню от выступления противников опричнины на соборе. Филипп, один из величайших русских святых, прошел долгую монашескую школу в краях суровых и скудных всем, кроме разве только иноческого благочестия. Он никогда не жаловал опричнину и при восшествии на митрополичью кафедру резко высказался против нее. Игумен соловецкий

потребовал от царя, «...чтоб царь и великий князь отставил опришнину. А не отставит царь и великий князь опришнины, и ему в митрополитех быти невозможно. А хоши его и поставят в митрополиты, и ему за тем митрополья оставити; и соединил бы воедино, как прежде того было. И царю и великому князю со архиепископы и епископы в том было слово, и архиепископы и епископы царю и великому князю били челом о его царском гневу. И царь и великий князь гнев свой отложил, а игумену Филиппу велел молвити свое слово архиепископом и епископом, чтобы игумен Филипп то отложил, а в опришнину и в царьской домовый обиход не вступался, а на митрополью бы ставился. А по поставленью бы, что царь и великий князь опришнины не отставил и в домовый ему царьской обиход вступатися не велел, и за то бы игумен Филипп митропольи не отставивал, а советовал бы с царем и великим князем, как прежние митрополиты советовали с отцем его великим князем Васильем и с дедом его великим князем Иваном»³²⁴.

Это значит: царь гневался, но вынужден был пойти на уступки. Филипп, став митрополитом, обещал не заниматься опричными делами и монаршим домашним обиходом. Но взамен он получил от государя обещание «советовать... как прежние митрополиты советовали». Иначе говоря, глава Русской Церкви опять мог входить к монарху с «печалованием» об опальных, с советом простить их и помиловать. И на первый раз, думается, он посоветовал отнестись к челобитчикам с мягкостью. Тем не менее их вожди все-таки лишились жизни. Остальные же, всего вероятнее, обязаны ее сохранением отважному митрополиту.

Итак, над опричниною грянул первый гром.

Какое уж тут наступление в Ливонии, когда Москва превратилась в зыбкую почву...

Ежегодно в русской столице составлялись списки воевод, отправляемых для службы в полки, гарнизоны и на строительство крепостей. Осенью 1565 года возник первый

подобный список военачальников из опричнины. А после того на протяжении двух лет — никаких известий о боевой работе опричных командиров. Ни звука, ни знака. Очевидно, все они требовались в столице — во избежание, так сказать. Особенно после тревожного лета 1566-го.

Однако большой террор все еще не начинался.

Он вообще длился недолго, весь уместившись в период с рубежа 1567—1568 годов до весны 1571 года. Около трех лет. Но размах его превысил всякое вероятие. Очевидно, меры, предпринятые государем в области земельной политики, военного дела, а также казни 1565—1566 годов, хотя и немногочисленные, по всей видимости, но крепко насторожившие весь военно-служилый класс, вызвали как минимум глухое недовольство. Позднее современник, очевидец главных событий грозненской эпохи, напишет: «...всю державу своя, яко секирою, наполю некако разсече. Сим смяте люди вся...»³²⁵ Выступление на земском соборе 1566 года было чем-то вроде верхушки айсберга: громада недовольства скрывалась под темной водой.

Осенью 1567 года большая русская армия сконцентрировалась, чтобы окончательно разгромить польско-литовские силы на Ливонском театре военных действий. Возглавил ее сам государь Иван Васильевич. Цвет опричнины участвовал в кампании наряду с полками земцев. Войска собрались в районе Ршанского яма и должны были повести наступление на Ригу.

Государь Иван Васильевич полон был добрых надежд. Ему казалось, быть может, что в великой войне осталось сделать последнее усилие. Что благое предприятие, связанное с усмирением еретиков и присоединением новых земель к православному царству, вот-вот принесет плоды. Но... слишком зыбкой сделалась почва под ногами царя. Там, где он чаял получить от опричнины твердость и силу, пришли вместо них шатание и разброд.

В среде служилой знати возобновились разговоры о возможности «сменить» монарха, благо князь Владимир Ан-

дреевич Старицкий, потомок старинных московских государей по прямой линии, жив и здоров. Иностранные источники сообщают о том, что русская знать заключила соглашение («contract») с поляками против своего государя. Трудно судить, сложился ли на самом деле аристократический заговор. Однако дипломатические документы того времени донесли до наших дней сведения, позволяющие утвердительно говорить о каких-то переговорах с неприятелем. Поляки предлагали князьям И.Д. Бельскому, И.Ф. Мстиславскому, М.И. Воротыньскому и боярину И.П. Федорову перейти на их сторону, причем в некоторых случаях речь шла об отторжении русских земель и совместных боевых действиях. Что это было? Масштабный военно-политический проект? Или характерная для того времени игра с фальшивыми письмами? Поляки поставили на беспроигрышный вариант: либо удастся «подставить» лучших воевод Ивана IV (а все четверо по странному «совпадению» имели талант тактического или организационного характера), либо кто-то из них (хотя бы один!) согласится с предложенными условиями и сыграет роль суперагента в стане московского государя. Царь, в распоряжение которого эти послания попали³²⁶, игру противника раскусил. От имени адресатов он отправляет ответные письма, осыпая врага колкими насмешками. Например, послание псевдо-Федорова королю Сигизмунду II Августу содержало следующие слова: «...Я уже человек немолодой, и недолго проживу, предав государя своего и учинив лихо над собственной душой. Ходить вместе с твоими войсками в походы я не смогу, а в спальню твою с курвами ходить — ноги не служат, да и скоморошеством потешать не учен. Так что мне в твоём государском хотении?»³²⁷ Для Ивана Грозного совокупность этих «кусательных» посланий составляет прежде всего выигрышную «сцену»: монолог центрального персонажа о гнусности злодеев, ему противостоящих...

Царь вновь вышел на сцену, произносил монологи, издевался над вражеским тупоумием. Красивая роль. Пусть не

из тех, какие положено играть на котурнах, однако... едкий пафос ее пришелся русскому монарху по душе.

Но все ли письма были перехвачены? Все ли русские адресаты возжелали проявить лояльность к своему государю? Ведь отношения между ним и служилой аристократией оставляли желать лучшего! Несколько княжеских и боярских родов «обязаны» были Ивану Васильевичу казнью своих представителей (Шуйские, Пронские, Горенские, Кубенские, Трубецкие, Кашины, Воронцовы, возможно, Хилковы и Палецкие). Да и те же четыре военачальника, которым были направлены послания поляков, — не возникло ли у них желания, явно «сдав» переписку, в тайне подготовить переворот?³²⁸ Осенью 1567 года польско-литовская армия во главе с королем сосредоточилась в Южной Белоруссии для нанесения контрудара наступающим русским полкам, но бездействовала. Откуда у поляков появились сведения о готовящемся наступлении в Ливонию? Не было ли у них надежды использовать замешательство в нашем лагере, возникшее в результате чаемого переворота, и разбить русскую ударную группировку? Или отбить Полоцк, в котором как раз сидел первым воеводой Иван Петрович Федоров?³²⁹

Князь Владимир Андреевич предоставил царю список из 30 знатных людей, склонявшихся к заговору³³⁰, и, возможно, другие бумаги, способные их скомпрометировать как изменников. Это произошло непосредственно во время военного похода осенью 1567 года.

В середине ноября царь отменяет поход и распускает армию решающего удара. Он знает о сосредоточении вражеских войск намного южнее — при желании поляки могли устремиться в тыл наступающей армии Ивана IV и даже отрезать ее от Москвы. Он видит перед собой список людей, если и не вступивших в заговор, то находящихся на полпути к этому. Он извещен о выжидательной тактике противника, так и не предпринявшего никаких наступательных действий. А отменив поход он узнает, что армия Сигизмунда II Ав-

густа тоже отступает. Это подтверждает худшие опасения государя: поляки отказались от военного столкновения, как только выгодная ситуация «рассосалась». Поведение поляков ясно показало — некое лицо или лица в среде военного руководства дали им повод для подобного рода действий и снабдили сведениями о планах русского командования. Заговор это был, или просто среди наших появился иуда, сказать невозможно. Но только никто никогда *не собирал армий ради бездействия...*³³¹

В результате разразилась настоящая буря. Расследование заговора поставило в центр его одного из крупнейших землевладельцев того времени, видного политического деятеля, боярина Ивана Петровича Федорова. Его разорили, продержали в опале много месяцев, а потом пригласили к Ивану IV. Там по велению государя боярин должен был облачиться в царские одежды и сесть в тронное кресло. Иван Васильевич, глумясь, встал перед ним на колени и спросил, доволен ли он, заняв государево место, получив все, о чем мечтал? А затем воскликнул: «Наслаждайся владычеством, которого жаждал!» Иван IV собственноручно зарезал боярина, а тело его велел протащить с позором по Москве и бросить в навозную яму.

Был ли Иван Петрович Федоров изменником? Царь имел основания не доверять ему, однако до наших дней не дошло свидетельств, неопровержимо доказывающих вину воеводы. Нельзя дать ни твердый отрицательный, ни твердый положительный ответ относительно его истинных намерений. Гораздо важнее другое.

Царь, еще недавно чувствовавший себя на пороге величайшей победы, пребывавший в покое относительно верности своих подданных, вдруг увидел: нет ничего твердого под ногами! Земля опять колеблется! Ему самому и его семье грозят неведомые опасности. Обладая нервной, артистической натурой, Иван Васильевич подвержен был скорым перепадам чувств. Он сам признавался в том, что несколько

раз в жизни испытывал сильнейший страх за свою жизнь: например, во время московского бунта 1547 года или, скажем, пять лет спустя под Казанью. Иной раз он проявлял и недюжинную храбрость, бывал под неприятельским обстрелом, совершал поход в глубь вражеской территории... Но всякий раз его поведение оказывалось результатом эмоций — взрывных, мощных, слабо сдерживаемых. Что могло случиться на исходе 1567-го? Очередной эмоциональный взрыв, достаточно сильный, чтобы до основания потрясти душу государя и помрачить ее, вызвал наплыв страстей. Неотвязный страх вызвал не менее ужасный гнев. А гнев явился причиной неистовой жестокости.

«Дело Федорова» имело страшные последствия. Кровавый вихрь закружился над Россией и не стихал в течение нескольких месяцев. Жизни человеческие переламывались, словно спелые колосья под ударом косы. Доселе опричнина цвела, теперь вызрел плод; по вкусу его узнавалось многое.

Сам царь со свитой и отдельные команды опричников разъезжали по многочисленным владениям Ивана Петровича едва ли не год, и всюду устраивали казни, пожары, разорение. Погибли сотни людей, виновных лишь в том, что они состояли на службе у Федорова. Только по документированным данным, число жертв составило 400—500 человек. В связи с «делом Федорова» в Москве и «по городом» опричники уничтожили немало высокородных аристократов, в том числе опытного воеводу князя Федора Ивановича Троекурова и боярина князя Андрея Ивановича Катырева-Ростовского, нескольких представителей боярского рода Шеиных, Колычевых и Лыковых. Пострадала верхушка приказного аппарата земщины: полетели головы дьяков и казначеев... Тогда же погиб выдающийся военный инженер Иван Григорьевич Выродков.

Репрессии, которыми завершилось расследование «дела Федорова», превратили опричнину в аппарат грандиозной

террористической деятельности. Об этом повороте в политике Ивана Васильевича впоследствии писал Джильс Флетчер: «И тех, и других по порядку записывали в книгу, почему всякий знал, кто был земским и кто принадлежал к разряду опричников. И эта свобода, данная одним грабить и убивать других без всякой защиты судом или законом, продолжавшаяся семь лет, послужила к обогащению первой партии и царской казны и, кроме того, способствовала достижению его цели, то есть истреблению дворян, ему ненавистных, *коих в одну неделю только в Москве было убито до 300 человек*³³². Такие тиранские его поступки, направленные на всеобщий раздор и повсеместное разделение между подданными, произошли, как должно думать, от чрезвычайной мнительности и безнадежного страха, возникших в нем ко многим из местного дворянства во время войны с поляками и крымскими татарами, когда он, вследствие худого положения дел, впал в подозрение, что они состоят в заговоре с поляками и крымцами. На основании этого некоторых из них он казнил и означенное средство избрал для того, чтоб отделаться от остальных»³³³.

Флетчер, конечно же, рисует «русские ужасы», намекая англичанам на то, что и в их отечестве существует угроза тиранического правления. Поэтому он нередко использует сплошь черную краску. Как уже говорилось, первые годы опричнины не знали массовых репрессий. Однако теперь, в ходе расследования по «делу Федорова» или, если угодно, по делу о «земском заговоре», опричнина стала трансформироваться. В 1568 году ее административные прерогативы оказались значительно расширены, а карательные функции возросли многократно. Здесь англичанин не отступает от истины.

Существовал ли на самом деле «земский заговор», сказать трудно. Действия польско-литовского командования показывают: какими-то сторонниками в русском лагере неприятель мог располагать. Однако «расследование» обер-

нулось кровавой расправой, когда заодно с подозреваемыми предавали унижению и смертной муке невинных, в том числе женщин, слуг, детей.

Вот характерный отрывок из синодика репрессированных при Иване IV: «Григорий Кафтырев, Алексей Левашев, Севрин Баскаков, Федор Казаринов, инок Никита Казаринов, Андрей Баскаков муромец, Смирной Тетерин, Василий Тетерин, Иван Селиванов, Григорий, Иев, Василий, Михаил Тетерины, да детей их 5 человек, Осиф Тетерин, Князь Данила Сицкой, Андрей Батанов, Иван Поярков-Квашнин, Никита и Семен Сабуровы, Семен Бочин. Хозяин Тютин з женою, да 5 детей, да брат Хозяина, Иван Кольчов, Иван, сын его, Иван Трусов... В ивановском Меньшом отделано 13 человек с Исаковскою женою Заборовского и с человеком, да у семи человек по руке отделано... Дмитрий и Юрий Дементьевы, Василий Захаров з женою, да 3 сына...»³³⁴

Святитель Филипп, видя такое кровопролитие, возвысил голос против опричнины и по воле царя лишился за это митрополичьей кафедры. Казнено было несколько митрополичьих старцев³³⁵.

В 1569 году подвергся аресту и был отравлен князь Владимир Андреевич Старицкий. Слишком уж часто недовольные связывали перспективу смены государя с его именем... Вместе с ним погибли от яда жена и дочь. Умертвили также слуг князя Владимира Андреевича. Историки не находят убедительных свидетельств реального заговора Старицких.

В том же 1569 году действительный изменник Тимофей Тетерин, связанный с главным врагом и публицистическим оппонентом Ивана IV, князем А.М. Курбским, помог литовцам взять Изборск. Крепость быстро отбили, но на гарнизонных приказных людей пало подозрение в измене. В результате их обезглавили. Та же участь ожидала их коллег в соседних городах и крепостях. Царь заподозрил новгородцев и особенно псковичей в сношениях с неприятелем.

лем, стремлении передать свои города Речи Посполитой. В качестве превентивной меры он выслал несколько сотен семей из Пскова и Новгорода Великого. Но этого, как видно, ему показалось недостаточно. В течение нескольких месяцев готовился грандиозный карательный поход, целью которого было очистить от «измены» колоссальную область, лежащую к северу — северо-западу от Москвы. Реализация этого замысла принесла России самый тяжкий и самый кровавый шрам из всех, нанесенных опричниной. «Северная экспедиция» стала апогеем террора и породила у соседей патологическую боязнь «Московита», ярко отразившуюся в брошюрах и летучих информационных «листочках» того времени.

В промежутке от декабря 1569-го до марта 1570 года опричная армия совершила экспедицию по «петле» от Москвы через Клин, Торжок, Тверь, Новгород Великий и Псков — к Старице. Всюду опричные отряды сеяли разорение и убийства. Города подверглись страшному грабежу. Бесстыдного разграбления не избежали и храмы. Государь велел забрать даже колокола по церквям и монастырям. Пленников, размещенных в населенных пунктах по ходу опричной экспедиции, — литовцев, полочан и татар — истребляли. В Новгороде Великом государь остановился надолго, занявшись расправой над богатым посадским населением и распустив команды опричников по новгородским землям. Р.Г. Скрынников следующим образом комментирует серию террористических акций против торгово-ремесленного населения города: «Опричные санкции против посадского населения Новгорода преследовали две основные цели. Первая из них состояла в том, чтобы пополнить пустующую опричную казну за счет ограбления богатой торгово-промышленной верхушки Новгорода. Другая цель состояла в том, чтобы терроризировать посад, в особенности низшие слои городского населения. Грабежи и бесчинства опричников вызывали страх и возмущение в народе, и царь, пом-

нивший о московском восстании 1547 года, желал предупредить самую возможность возмущения черни. Помимо того, опричная дума не могла не знать об антимосковских настроениях коренного новгородского населения»³³⁶. Летописи и рассказы иностранцев полны кровавыми подробностями новгородского разгрома. В Москву отправились длинные обозы с награбленным имуществом...

Масштабы псковского разорения не столь велики. По сообщениям ряда источников, как иностранных, так и русских, царя напугали укоризны местного юродивого Николы или Микулы; устрешенный монарх пощадил город.

В связи с новгородским «изменным делом» казнили также крупного военного администратора боярина Василия Дмитриевича Данилова и несколько человек из его окружения.

Количество жертв «северного похода» исчисляется тысячами. Источники сообщают о десятках тысяч, но строго документированные потери составляют около 2500—3000 человек. Все, что было сверх этого, — а сомнений в том, что погибло больше людей, не испытывает никто из историков, — величина гадательная. Но даже 2000 для одного Новгорода — страшная цифра! Если бы всех жителей города построили в одну шеренгу перед стенами и зарубили каждого десятого, результат был бы именно таким. Царь подверг город децимации, подобно тому, как в языческом Риме наказывали побежавший с поля боя легион...

Причина нанесения удара именно по Новгороду вызвала у исследователей дискуссию. Не вполне понятны причины выбора северных областей для разгрома и еще менее понятны резоны, заставившие Ивана Васильевича придать этому разгрому столь чудовищные формы.

Р.Ю. Виппер видел в новгородской карательной экспедиции превышение «меры исправительных наказаний», допуская возможность возникновения литовской партии в Новгороде Великом³³⁷. Он считал, что не стоит повсюду ви-

деть одно лишь воспаленное воображение Ивана Грозного. Впрочем, Виппер честно признавался: установить степени действительной вины или же полноту невинности новгородцев он не может. П.А. Садилов был гораздо жестче в своих оценках. Он сообщает читателям: «...Грозный... во главе опричнины выступил в карательную экспедицию против уличенных к тому времени в “измене” новгородцев и псковичей»³³⁸. А.А. Зимин писал об объективной необходимости сокрушить один из последних оплотов удельной раздробленности. Р.Г. Скрынников подчеркивает: причиной новгородского разгрома послужило опасение Ивана Васильевича, что новгородцы окажут поддержку заговорам против него. Это было бы крайне опасно, если учесть финансовую и военную мощь Новгородчины, особенно при жизни Владимира Андреевича Старицкого. «Царь и его окружение жили в напряженном ожидании мятежа и смуты. В таких условиях достаточно было толчка, чтобы последовал взрыв. Таким толчком послужили, во-первых, известие о перевороте в Швеции и свержении союзника царя Эрика XIV и, во-вторых, начавшееся расследование об измене Новгорода и Пскова»³³⁹. Б.Н. Флоря считал новгородский заговор «вымыслом», которому Иван Васильевич поверил: «...в иной ситуации царь и его советники не придали бы слуху о подобном заговоре никакого значения. Но в той обстановке психологического напряжения, которая сложилась в условиях постоянной борьбы с “изменой”, к этим сообщениям относились со всей серьезностью»³⁴⁰. Последнее звучит несколько неправдоподобно — царь еще с 40-х годов знал, какова цена политической интриги, да и вообще имел достаточный опыт в делах правления, чтобы не основывать на слухах столь масштабную акцию. Государь был не слабонервным интеллигентом, а политиком высокого ранга. Стоит взглянуть в сегодняшний олимп власти и попытаться назвать хотя бы одного деятеля, способного из-за веры в сплетни ввязаться в кампанию подобного размаха. Не

вспоминается? Иначе и быть не может. Это не подковерная борьба академического сообщества, тут за ошибки платят властью, богатством и жизнью, так что мнительные болваны надолго не задерживаются.

Итак, в разное время относительно причин Новгородского разорения историки привели немало версий. Неоднократно дискутировался вопрос о том, было ли на самом деле хоть что-то, напоминавшее мятеж, и если не было, зачем тогда Иван IV раздул невнятные слухи о заговоре до размеров, позволивших ему совершить страшный опричный разгром северных русских земель³⁴¹.

По мнению автора этих строк, причина лежит на поверхности. Русский народ того времени, молодой, агрессивный, полный энергии, отличался от будущих поколений, живших в XIX и XX веках. Он был прежде всего намного «моложе» в цивилизационном отношении. И, следовательно, для русских того времени было естественным сопротивляться притеснению; в первую очередь это относилось к любому нарушению церковных устоев и любой репрессии против добродетельного архиерея. Печальная судьба митрополита Филиппа уже была достаточным основанием для бунташных настроений. Омерзительное отношение опричников к храмам и их безнравственное поведение могли сыграть роль мощных дестабилизирующих факторов. Некоторые свидетельства источников позволяют предположить, что активное вооруженное сопротивление опричному войску оказывалось. В частности, Генрих Штаден пишет: «[Челяднин-Федоров] был вызван на Москву; [здесь], в Москве он был убит и брошен у речки Неглинной в навозную яму. А великий князь вместе со своими опричниками поехал и пожег по всей стране все вотчины, принадлежавшие упомянутому Ивану Петровичу [Челяднину-Федорову]. *Села вместе с церквами и всем, что в них было, с иконами и церковными украшениями — были спалены. Женщин и девушек разделили донага и в таком виде заставляли ловить по полю*

кур... Великое горе сотворили они по всей земле! *И многие из них были тайно убиты*»³⁴². Более того, по его словам, переезд государя в Александровскую слободу произошел под влиянием «мятежа». Позднее, во время царского похода в северные земли, в частности, против Новгорода и Пскова, бои с опричными отрядами, по свидетельству того же Штадена, явно имели место. В.И. Корецкий полагал, что летом 1568 года произошло выступление московского посада, напугавшее Ивана Васильевича³⁴³. Пискаревский летописец сообщает: «*И бысть ненависть на царя от всех людей*»³⁴⁴.

Страна отстаивала себя, она не желала молча сносить унижения. Новгородчина, весьма вероятно, могла быть очагом наиболее активного сопротивления. Царь нанес ответный удар, стремясь подавить любые искры смуты, которую пришлось облечь понятным и привычным именем «измены».

Если проанализировать маршрут «северного похода», то станет видно, что опричная армия прошла добрую половину земской территории. Видимо, Иван Васильевич задался целью не только подавить волнения, но и провести масштабную акцию устрашения.

Новгородский разгром стал самым ужасным деянием опричнины, но далеко не последним. Массовые казни продолжались. Царский топор прошелся по рядам самих опричников. Их обвиняли (не без основания) в казнокрадстве, административных и судебных нарушениях. Кроме того, царь подозревал некоторых начальствующих лиц опричнины в том, что они пытались известить новгородцев о готовящемся карательном походе. Если они знали, какой удар обрушится на северные русские города и земли, на Новгородчину в том числе, если они понимали, какой кровушкой отольется на этот раз монаршее желание карать непослушных земцев... то их можно понять. Как знать, не шевельнулось ли что-то человеческое в сердце: матерые опричники дали кому-то

шанс уйти от опричной секиры, от грабежа, от душегубства, от насилия. Как знать... В любом случае, несколько великих людей старой опричнины, ее «отцов-основателей», кончили карьеру худо. Не все лишились жизни, но даже те, кто избежал смертной казни, вынуждены были навсегда удалиться от власти. Разуверившись в «старой гвардии» опричнины, Иван Васильевич стал брать туда тех, кого прежде не допускал ни в опричную армию, ни в опричную думу — «княжат» из высших родов служилой знати. Таким образом, социальная база опричнины оказалась размытой. Без «княжат» обойтись не удалось...

Летом 1570 года страшный удар был нанесен по высшему слою приказных людей³⁴⁵. Казни проходили публично, в Москве на Поганой луже, и сопровождались пытками. В них участвовал сам царь, собственноручно пытая и убивая. В один из дней, по согласному свидетельству нескольких не зависящих друг от друга источников, палачи умертвили более 100 человек... Именно тогда ушел из жизни известнейший российский дипломат того времени — дьяк Иван Михайлович Висковатый. Он пытался отговорить Ивана Васильевича от продолжения террора, озвучив простой, но верный аргумент: кто же останется у царя для ведения войны и для дел правления? Московский посад сохранил воспоминания о публичных казнях 1570 года в сказаниях, содержание которых не делает чести государю.

После гибели русской столицы в пожаре 1571 года массовый террор сошел на нет. Царь не стал милостивее, он лишь начал считать потери. Очередной «эксперимент» наподобие новгородского грозил оставить его без населения, способного нести тягло и содержать двор. Аргумент Висковатого встал в полный рост... Нет, казни не прекратились. Например, уже в 1571 году подверглось казни немало высокопоставленных опричников, а в 1573 году простились с жизнью трое знаменитых воевод: Воротынский, Морозов и

Одоевский. Да и позднее на плахе пролилось немало крови. Просто 1571 год поставил точку в репрессиях, объединявших под топором палача правых и виноватых, действительных злоумышленников и лиц, «привлеченных по делу» из-за служебных или родственных связей с ключевыми фигурами расследования. Больше удары не обрушивались и на посад.

Чем был «большой террор» для страны? Временем, когда упала ценность человеческой жизни и население получило действенную прививку от уважения к законам. В самом деле: к чему быть нравственным человеком, когда кругом грабеж, насилие и убийство, а во главе всей вакханалии — сам государь? К чему «играть по правилам» и соблюдать установления судебныхников, если самая суровая кара может ни за что ни про что обрушиться на случайного человека, а злодей восторжествовует в суде? Исследователи русского права утверждают: авторитет юстиции пал тогда очень низко³⁴⁶.

Чем были годы массовых репрессий для самого царя? Видимо, апогеем его «актерства» в худшем значении этого слова. Он с упоением играл роль сурового, но мудрого и справедливого правителя, им же самим придуманную. В обстоятельствах 60—70-х годов XVI столетия Россия очень нуждалась в расчетливом дельце на троне, человеке прагматичном до мозга костей и притом искренне и глубоко верующем. Стране необходимо было выбраться из губительной ситуации, которую создавала война против нескольких сильных неприятелей одновременно. А Церковь очень нуждалась в поддержке государя, поскольку должна была заняться христианизацией обширных пространств, замирненных не до конца. Что вместо этого получили Россия и Церковь от Ивана Васильевича? Трагифарс необдуманного реформаторства и кровавую кашу массовых репрессий. Главный защитник православия принимается обдирать колокола со звонниц. Главный защитник страны грабит собственные города... Автору этих строк представляется следующая картина: в столичном театре посреди спекта-

кля один из ведущих актеров неожиданно решает сыграть на сцене не ту роль, которую предназначил ему Небесный Режиссер, а иную, избранную по собственному произволу. Спектакль разваливается, поскольку текст и сам ход действия в исполнении этого эксцентричного человека и всей остальной труппы резко отличаются. Прочие артисты сначала пытаются подыграть коллеге, а потом начинают сердиться: для чего же он делает такие глупости? Прямо на сцене начинаются трения, споры. Экцентрик пробует навязать свое видение постановки всем прочим. Некоторые второстепенные лица соглашаются с ним, остальные отпихиваются. Тогда «новатор» вынимает из кармана револьвер и разряжает весь барабан в недовольных. Дощатые подмостки окрашиваются алым. Центральный персонаж хладнокровно вставляет новые патроны и продолжает страшную работу...

Но вот причина, любимое детище царя, оказывается бессильной и небоеспособной как на полях сражений в Ливонии, так и в генеральном столкновении с крымцами. *Столько расходов, столько крови, столько социального напряжения, а система, созданная в результате всех этих усилий, в решающий час не сработала.* С мая 1571 года опричная армия больше не выходит в поле как самостоятельная сила, т.е. как воинство, отдельное от земского. Опричные воеводы всё еще служат по спискам, отдельным от земских. Но на должности в крепостных гарнизонах и действующей армии они ставятся вместе с земскими военачальниками. Раздельное командование исчезает. Фактически начинается демонтаж опричнины, и прежде всего «разбирают» ее военную организацию. Армия, жестко разделенная на опричные и земские полки, в 1571 году потерпела страшное поражение. Армия, собранная воедино, без различия служебной принадлежности, одержала спасительную для России победу у Молодей. Большинство специалистов считает, что триумф объединенных сил нашей страны у Молодей сыграл роль главного повода к ликвидации опричнины.

Отмена опричной системы, по мнению большинства дореволюционных, советских и современных российских историков, произошла в августе—сентябре 1572 года. Мало кто оспаривает эту дату, хотя указ об отмене опричнины науке не известен. Его наличие, можно сказать, «вычислили».

Особняком стоит мнение Д.Н. Альшица. С его точки зрения, суть опричнины — создание «верхнего этажа» власти. В результате «...прежние, исторически сложившиеся ее институты, сохранявшиеся в земщине, включая Боярскую думу, были тем самым все разом подчинены власти самодержца». И, далее: «В опричнине царь освободился наконец от традиционной опеки со стороны Боярской думы и князей церкви». Можно сказать, «...Грозный внес в “государственные начала” управления русским государством такое “структурное изменение”, как фактическое установление самодержавия. Номинально оно существовало и раньше, но стало самодержавием реально только после учреждения опричнины»³⁴⁷. Д.Н. Альшиц считает, что в 1572 году произошло формальное упразднение опричнины, но основные механизмы, введенные ею в государственный быт, сохранялись и развивались, постепенно создавая картину все более мощного самодержавного устройства власти.

Однако эти выводы скорее тяготеют к публицистике, нежели к строгой науке. Опричнина исчезла, судя по многочисленным сведениям источников: она ушла из летописей (в том числе и частных), о ее официальном упразднении свидетельствуют известия Г. Штадена, Дж. Флетчера³⁴⁸, конфиденциальное донесение старосты Ф. Кмиты гетману Радзивиллу, исчезновение записей о походах опричного корпуса в разрядных книгах, воспоминания об опричных годах в историко-публицистических памятниках, созданных намного позднее...

Можно — чисто теоретически — допустить, что имя опричнины было запрещено, но суть ее осталась непри-

косновенной. Так ли это? Нет, не так. Об обратном свидетельствует возврат земельных владений прежним владельцам из земщины³⁴⁹, исчезновение всяческих упоминаний «опричного братства», казнь многочисленных лидеров опричнины, расформирование опричной администрации и, главное, *растворение опричного корпуса в вооруженных силах Московского государства*³⁵⁰. Вероятно, дух опричнины сохранился? Но это очень уж неуловимая, невидимая материя. Власть государя несколько усилилась по сравнению с серединой века, да... но те же Иван III и Василий III безо всякой опричнины умели концентрировать колоссальную власть в своих руках. Идеология самодержавия не была разрушена? Во-первых, если что-то от нее и осталось после тишайшего правления Федора Ивановича и чудовищного призрака Смуты, то оно и к лучшему. Во-вторых, прямо ассоциировать идеологические концепты и их практическое выражение в политике значит ставить знак равенства между молотком и словесным описанием молотка.

Можно согласиться с тем, что увеличились возможности государя вытаскивать из гущи худородных дворян дельного человека и продвигать его по службе. Сохранился до поры до времени и «особый» двор государя, помимо двора земского. И это самый серьезный осколок и самое серьезное последствие опричнины³⁵¹. Но и служилая аристократия подтвердила свое право быть преобладающим источником для рекрутирования высших управленцев и воевод. Ведь не обошелся без нее государь... А во второй половине 80-х годов XVI века она вытеснила выдвиженцев Ивана IV из верхних административных эшелонов. «Двоение» государева двора прекратилось, поскольку «особый» двор, искусственно поддерживаемый Иваном Васильевичем, прекратил свое существование. Нет, положительно, расширительное толкование Альшица неосновательно. 1572 год затворил врата опричнины навсегда.

В 1575 году произошло странное событие, которое многими исследователями трактовалось как рецидив опричнины. Иван Васильевич вновь выкроил себе особый удел в тверских землях и возвел на русский престол крещеного татарского царевича Семиона Бекбулатовича, даровав ему титул великого князя московского. Номинально правил Семион Бекбулатович, от его имени составлялись жалованные грамоты и указы, а истинный государь отправлял на имя «великого князя московского» челобитные, написанные в юродском стиле и содержащие пожелания-инструкции. Соловецкий летописец дает краткое описание того странного времени: «Государь царь на Московское великое княжение на государство посадил великого князя Семиона Бекбулатовича, а сам государь пошел “на берег” на службу и стоял все лето в Колуги. А был на великом княжении год неполон. И после того пожаловал его царь и государь великий князь Иван Васильевич всея Руси на великое княжение на Тверь, а сам государь опять сел на царство на Московское»³⁵². Реальной власти у Семиона Бекбулатовича было совсем немного, монеты с его именем не выпускались, иностранные дипломаты не вели с ним переговоров, в разряды его имя не вошло, сокровищница и царские инсигнии оставались под контролем Ивана IV. Историки выдвинули множество версий, чтобы объяснить столь странный шаг московского государя. В настоящее время наиболее вероятной считается (и вполне справедливо) та, которая опирается на фразу Пискаревского летописца о неких «волхвах» (астрологах), предсказавших на тот год кончину «московскому царю». Страх государя перед изменой подстегивался действительным заговором «сорока дворян», о котором сообщает имперский дипломат Даниил Принс из Бухау³⁵³. Во времена правления Семиона Бекбулатовича (1575—1576) очень хорошо виден «особый» двор Ивана Васильевича, территориально и административно удаленный от земских служб³⁵⁴. Любопытно, что, в отличие от времен опричнины,

государь позаботился о включении в состав «дворовой» территории тверских, псковских и новгородских «прифронтных» земель. Иван Васильевич готовился к решающей битве за Ливонию. Очевидно, с этим надо связывать сбор денежных средств, а также обширные земельные раздачи тех лет детям боярским, низшему слою военно-служилого класса. Государю хотелось, вероятно, перед масштабным наступлением 1577 года пополнить вооруженные силы хорошо обеспеченными (а значит, хорошо вооруженными) бойцами. При этом командный состав полевой армии ничуть не демократизируется, и особых «дворовых» корпусов на театре военных действий не появляется. А «дворовые воеводы» присутствуют как командные лица «государева полка» в составе крупных общеармейских соединений, например во время того же похода 1577 года³⁵⁵.

Привела ли опричнина к серьезным изменениям в социально-политической жизни Московского государства? Нет. Система чрезвычайных мер, вызванных противоборством царя и высших родов титулованной аристократии, разоженная нуждами войны, она проводилась в жизнь непродуманно, драконовскими способами. Большой кровью приправленная, на ходу перекраиваемая, опричная реформа была попыткой переделать многое; отступив от первоначальных своих замыслов сначала в 1570-м, затем в 1571-м, а окончательно в 1572 году, Иван Васильевич кое-что сохранил за собой; это «кое-что» продержалось не далее середины 80-х. И даже укрепление единодержавия и самовластия царского, достигнутое в результате опричнины, не столь уж очевидно. Личная власть Ивана Грозного — да, укрепилась несомненно, если сравнивать с 40 — 50-ми годами. Но увеличилось ли поле власти для его преемников на русском престоле? Прямых доказательств этому не видно.